ДОСТОПАМЯТНЫЯ ДѢЯНІЯ

И

СВОЙСТВА ДУШИ

ЛУДОВИКА XVI,

КОРОЛЯ

ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ

описаніемъ его кончины.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА

Съ Дозволенія Управы Благочинія

Въ Типографіи Селивановскаго и тов.

1795 года

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ ДѢЯНІЙ ИЗОБРАЖАЮЩИХЪ СВОЙСТВА ЛЮДОВИКА XVI.

Людовикъ XVI лишился родителя своего въ самой нѣжнѣйшей младости и ничему болѣе отъ него научиться еще не успѣлъ, какъ только чтобъ умѣть умереть спокойно, безъ угрызеній совѣсти и съ полнымъ надѣяніемъ на заслуги искупителя. Сколь смерть родителя его была для его тяжка и прискорбна, столько же и поучительна. Къ великому его быщастію, воспитаніе его препоручено было, людямъ добрымъ мудрымъ и опытнымъ. Сіи многоцѣнные труды возложены были еще отъ самаго покойнаго его родителя на Герцога *Вогуйона* и на прежняго *Епископа Лиможскаго.* Они и въ самомъ дѣлѣ, доказали на самомъ опытѣ, колико достойны были и сего выбора и всей довѣренности, которую имѣлъ къ нимъ нѣжной и просвѣщенный родитель ихъ воспитанника. Оба сіи мужа единодушно потщились въ нѣдрахъ сердца младаго сего Дофина вкоренить утѣшительную и благодѣтельную для всего рода че-

ловѣческаго вѣру, которая насъ никогда не оставляетъ, которая содѣлываетъ благоденствїе нашей жизни, и которая на конецъ весьма сильно услаждаетъ и самую горесть смерти. Да воздастся вамъ во всѣхъ вѣкахъ благодарность, о мудрые наставники сего Государя! вы заблаговремянно наполнили душу его тѣмъ спасительнымъ бальзамомъ, который единая вѣра разливаетъ въ сей юдоли плачевной, гдѣ злодѣянїе и бѣшенство не обузданныхъ устремляли всѣ свои силы на сердцѣ сего чувствительнаго и вкупѣ нещастнаго Государя.

Воспитанїе есть вторая природа. Мы раждаемся для себя самихъ, но оно содѣлываетъ насъ способными жить для другихъ. Оно управляетъ наши мысли, умѣряетъ наши страсти, образуетъ наши свойства, открываетъ наши добродѣтели, умножаетъ душевныя наши силы, и увеличиваетъ всецѣлое наше бытїе. Да будутъ на вѣки благословенны добрые наставники и наставницы за благовремянно внѣдряющїе въ сердца владыкъ земныхъ любовь къ Богу и любовь ко благу! Уроки ихъ суть сущїя благодѣянїя для всего человѣчества.

Младый Дофинъ окончалъ свое воспитанїе исполнившись вкусомъ къ изящно-

му, охотою къ трудамъ, зрѣлостїю въ разсужденїяхъ, особливою важностїю въ своемъ характерѣ, чистотою и постоянствомъ въ нравахъ, и что всего вяще, исполненный любви и сострадания къ человѣчеству. Толь многїя превосходныя качества соединяемыя въ одной особѣ наслѣдника Престола Францїи, посправедливости, предвѣщали правленїе благотворительное, благоденствїе всему Французскому народу.

Бракъ есть величайшая епоха въ жизни всѣхъ человѣковъ. Онъ внезапно отдѣляетъ юношество отъ зрѣлости мужескаго возраста. Онъ обнаруживаетъ приобрѣтенныя природою и воспитанїемъ совершенства человѣческїя въ полномъ ихъ величїи Въ сїе время человѣкъ предопредѣленный отъ самыя природы содѣланныя отцемъ, обращаетъ уже вниманїе свое не на одного только себя самаго, но такъ же на свою во всѣй жизни помощницу и на будущее свое потомство. Таковыя разсужденїя упояютъ сердце его радостїю, со всѣмъ для него новою. Но въ тоже время совокупно онъ усматриваетъ, что званїе отца, званїе для всякаго человѣка любезное, сопряжено со многообразными трудами, кои налагаетъ родителямъ самая природа.

Младаго Людовика соединили союзомъ брака съ Герцогинею Австрїйскою *Марїею Антоанеттою.* Коль трогательное открылось зрѣлище для чувствительной души младаго супруга: любить и взаимно быть любиму особою совершеннѣйшею, обладающею въ высшей степени всѣми дарованїями, красоту лѣпаго пола увеличивающими. Но притомъ открылись предъ очами его и новыя супружественныя обязательства, доставляющїя много новыхъ удовольствїй. Тогда онъ усмотрѣлъ ясно, что человѣкъ повелѣваетъ животнымъ потому только, что онъ ихъ совершеннѣе, а чтобъ управлять миллїонами подобныхъ себѣ человѣковъ, набно быть несравненно ихъ превосходнѣе. Разсматривая обстоятельно сїе правило, онъ снова началъ самъ собственное свое воспитанїе.

Вспомоществуемый прїятнѣйшимъ содѣйствїемъ любезнѣйшїя своея супруги, началъ онъ неусыпно трудиться сперва самъ надъ собою, стараяся образовать характеръ свой безпрестанно болѣе. Думали что нравъ его будетъ нѣсколько строгъ; для того онъ его умѣрилъ столько, что сдѣлался наконецъ токмо справедливымъ. Ненавидя роскоши любилъ онъ всего сердца своего прилѣжанїе и благопрїятствовалъ манифактурамъ. Любилъ тишину и

уединенїе, да не чуждался же людей, зная что долженъ нѣкогда управлять ими, и что правитель безъ познанїя людей подобенъ корабельному кормщику безъ компаса.

Вкусъ его былъ простъ, чистъ и не врежденъ. Между прочимъ онъ весьма удивлялся такимъ изобрѣтенїямъ, кои по простотѣ своей и всеобщему употребленїю, кажутся, ни мало не удивительны, но притомъ не обходимы въ общежитїи, для благоденствїя рода человѣческаго на всякой часъ, хотя о началѣ ихъ и изобрѣтателѣ и ничего неизвѣстно: потому что люди обыкновенно скорѣе всегда забываютъ своихъ благотворителей, нежели непрїятелей. Еще въ самой своей младости посвящалъ самъ онъ свободнымъ художествамъ, нѣкоторыя часы празнаго своего времяни; да и не было ли сїе для него не обходимо нужно? Предопредѣленъ будучи судьбами, дабы художествамъ покровительствовать, долженствовалъ и самъ онъ имѣть объ нихъ довольное понятїе. Сообразуясь съ сими толь священными правилами, всѣми силами старался онъ употреблять все время наилучшимъ образомъ, дабы умѣть составить благоденствїе будущихъ своихъ подданныхъ; и чуждался всѣхъ удовольствїй, на кои боль-

шая часть людей теряетъ время свое безъ всякой пользы.

Единственное удовольствїе, каковое онъ самъ себѣ имѣть иногда позволялъ, составляла только одна охота: да она для его здоровья была и не обходимо потребна. Людовикъ находилъ въ ней успокоенїе отъ безпрестанныхъ упражненїй души своея. Но и на сїе удовольствїе тратилъ онъ время свое чрезвычайно умѣренно, будучи всегда твердо увѣренъ, что онъ рожденъ не для самаго себя, а для блага своего отечества. Наконецъ на охотѣ охранялъ онъ право собственности столь свято, что во всѣхъ чрезъ то производилъ удивленїе. Никогда онъ не наносилъ чрезъ оное свое удовольствїе нималѣйшей обиды бѣднымъ земледѣльцамъ, зная, что все ихъ богатство и благоденствїе зависитъ отъ благополучной и обильной жатвы.

Величїе его было удивительно, слава неизмѣнна, и великїя его добродѣтели впечатлѣвали во всѣхъ достойное къ нему почитанїе. Да и какъ не любить было такого обладателя, которой самъ любилъ человѣчество, которой сострадалъ и плакалъ о нещастїи другихъ, и которой на конецъ чувствовалъ зло угнѣтающее другихъ, не испытавши его еще самъ на себѣ

никогда. Сею единственно великою цѣною привлекъ онъ къ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ; по самой истиннѣ сказать должно, что онъ былъ наилучшей супругъ, наилучшей сродникъ, чадолюбивѣйшій родитель и наилучшій другъ. „Нѣкогда Людовикъ XVI, между прочими разговорами, съ сердечнымъ прискорбіемъ „отзывался о великой трудности совершенно выполнить всю должность званія „Королевскаго, а не о безмѣрныхъ трудахъ съ онымъ званіемъ сопряженныхъ, „кои отеческому его сердцу были весьма „пріятны. При семъ случаѣ желавшимъ „его въ ономъ утѣшить, напоминаніемъ „изливаемыхъ отъ его благодѣяній, на „подданныхъ, сказалъ сей добродѣтельный „Монархъ: *ахъ! государи мои! какъ могу „я быть щастливъ и спокоенъ, имѣя всегда въ мысли, что противу всякаго чаянія, полагаясь только на предлагаемыя „мнѣ донесенія, могу иногда содѣлаться „не правосуднымъ?*„ Онъ чувствовалъ, что правосудіе было первымъ его долгомъ, а по тому долженствовало оно быть, и первѣйшимъ желаній его предмѣтомъ.

По нѣкоторому старинному весьма строгому закону, долголѣтнимъ употребленіемъ утвержденному, принадлежали собственно Королю всѣ такія поля, кои

бывъ нѣсколько лѣтъ покрыты озерами или рѣками, наконецъ осушались. Парламентъ Бурбосскій чрезъ отправленныхъ отъ себя къ Королю нарочныхъ повѣренныхъ предлагалъ ему знатное таковой земли пространство случайно осушившееся. Людовикъ XVI весьма пораженъ былъ толь удивительнымъ представленіемъ Парламента Бурбосскаго. По выслушаніи повѣренныхъ долго онъ удивлялся сему странному произшествію, и наконецъ указомъ повелѣлъ, дабы всѣ такимъ образомъ являвшіяся вновь пространства земли впредь раздѣляемы были всѣмъ близь живущимъ земледѣльцамъ.

Таковое произшествіе обратило на себя вниманіе всецѣлыя Франціи. Король открылъ чрезъ сіе всѣмъ своимъ подданнымъ какъ важныя упражненія своего кабинета, такъ равномѣрно благородныя и благодѣтельныя чувствованія своего сердца. При семъ случаѣ всѣ Французы ясно испытали, что Король ихъ нещадитъ никакого труда, когда только тѣмъ можетъ споспѣшествовать благу своего Государства, что онъ презираетъ и уничтожаетъ самые древнѣйшіе и строжайшіе законы, ежели только они не назидаютъ блага общественнаго и не соразмѣрны съ его отеческими расположеніями.

Съ братьями своими поступалъ онъ весьма чистосердечно, и всячески искалъ случаевъ способствовать ихъ благоденствїю и пользамъ. Не упустилъ онъ даже и того, изъ своихъ мыслей, чтобъ имъ воздаваемо было отъ всѣхъ пристойное ихъ породѣ отличїе и всѣ почести внѣшняго уваженїя. На сей конецъ въ 1776 году, повелѣлъ онъ, дабы ежели какїя нибудь приватныя случаи потребуютъ явиться имъ въ какомъ нибудь судилищѣ лично самимъ, первый онаго суда Президентъ, называлъ бы всегда ихъ *милостивыми Государями*, да и во всѣхъ вообще публичныхъ дѣлопроизводствахъ, и на партикулярныхъ письмахъ не называлибъ ихъ иначе. Оной указъ начинается такимъ образомъ: „*Сердечно тронутъ будучи нѣжнѣйшимъ дружествомъ къ Принцамъ, моимъ братьямъ, кои, искреннѣйшими своими чувствованїями во всякое время являемыми, много содѣйствуютъ благу общественному*„ и проч.

Но съ начала Французскаго сумозбродства или съ 1789 года состоянїе дѣлъ во Францїи приняло совсѣмъ новой видъ, а особливо относительно къ правамъ и доходамъ Принцовъ Королевскаго дома. Можно ли совершенно оправдать таковые дѣянїя, таковое уничтоженїе всякаго различїя между состоянїями, уничтоженїе всѣхъ

рожденіемъ приобрѣтенныхъ преимуществъ? Можетъ ли какое гражданское общество состоять безъ таковаго различія?

Вникнувъ въ лѣтописи рода человѣческаго, не ясно ли усмотрѣть можетъ, что самыя строжайшія въ древности республики особенно ревностнѣйшія о своей вольности, не могли осмотрѣть права заслугъ? не долженствовали ли они переносить сіи права даже и на потомство, твердо будучи увѣрены, что заслуги предковъ, суть самые разительнѣйшіе примѣры для потомковъ, суть сильнѣйшее средство къ побужденію ихъ, дабы и они также, подобно имъ, силились отличать себя особливо знаменитыми заслугами. *Аѳиняне*, даже самые *Лакедемоняне* достойные послѣдователи строгости *Драконовъ* и *Ликурговъ*, сіи смирители гордости Царей Персидскихъ, долгомъ своимъ почитали воздавать благодарность даже потомкамъ Милтіядовъ, Кимоновъ, Леонидовъ, Агезилаевъ и другихъ отличившихся особенною ревностію къ благу своихъ отечествъ. --- Да и гдѣ можно найти таковое человѣческое учрежденіе, которое при тысячахъ совершенствъ своихъ не имѣло бы такъ же своихъ недостатковъ и пороковъ? Не по всюду ли въ свѣтѣ благо перемѣшано съ зломъ, такъ какъ и цѣлеб-

ныя растѣнія въ природѣ растутъ вмѣстѣ съ ядовитыми? ---

Людовикъ XVI еще въ самой своей младости съ отличною охотою обучался *географіи.* Онъ поставлялъ обстоятельное познаніе шара земнаго не обходимо нужнымъ для изученія Исторіи, которая дѣйствительно получаетъ свѣтъ свой отъ познанія мѣстъ, гдѣ происходили повѣствуемыя ею произшествія. Въ землеописаніи наконецъ онъ столько успѣлъ, что по справедливости можно было почитать его, однимъ изъ первѣйшихъ географовъ своего времени. Доказательствомъ сему могутъ служить тѣ мудрыя замѣчанія и предписанія, кои онъ самъ отъ себя далъ нещастному *Пейрузу* передъ отплытіемъ его на отдаленнѣйшія моря, какъ о томъ нѣсколько уже сказано въ первой части. *Пейрузъ* вышедъ отъ Короля предъ всѣми признался, что разговаривая съ нимъ, мнилъ онъ, что устами Королевскими говорятъ съ нимъ самые *Данвиль* и безсмертный *Кукъ.* Какъ малы и низки показались тогда въ очахъ *Пейруза* всѣ громкіе завоеватели свѣта, сіи жестокіе нарушители спокойствія и тишины народовъ, отъ коихъ они ни малѣйшаго не имѣли оскорбленія, даже и самый тотъ *Александръ*, которой всецѣлый свѣтъ почиталъ недо-

вольнымъ къ удовольствїю чрезвычайнаго своего ревенїя къ завоеванїямъ. Какъ можно ихъ сравнивать съ Людовикомъ XVI, съ такимъ Монархомъ, которой устроя благоденствїе своихъ подданныхъ, не оставилъ также пещися о благополучїи и плодоносїи странъ, самыхъ отдаленнѣйшихъ, который въ мнимыхъ нѣдрахъ нѣги и обилїя, помышлялъ также о неизвѣстныхъ и бѣдственныхъ народахъ, коимъ природа, попустивъ жить неизвѣстно въ песчаныхъ и жарчайшихъ пустыняхъ, по видимому или во все ихъ оставила или со всѣмъ забыла, котораго благотворительность распространяяся за предѣлы отдаленнѣйшихъ морей, тщилася въ оныхъ дикихъ приобрѣсти себѣ друзей, а не данниковъ Французскому Скипетру. Онъ твердо былъ увѣренъ, что для обогащенїя собственныхъ своихъ владѣнїй надежнѣйшее и спасительнѣйшее средство есть то, дабы не возмущать спокойствїя вселенныя.

Исторїя открывала равномѣрно Людовику XVI свои неизчерпаемыя сокровища. Обладатели земные не могутъ подробнѣе и обстоятельнѣе разсмотрѣть людей, которые ихъ окружаютъ, какъ только въ такихъ людяхъ, коихъ уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Истинна безъ покрывала находится для нихъ единственно только въ

прошедшихъ дѣянїяхъ и въ будущемъ времяни: первыя для нихъ служатъ самымъ трогательнѣйшимъ наставленїемъ; а послѣднее непреминетъ воздать имъ по достоинству ихъ дѣяний. Такимъ то образомъ и Людовикъ нужнымъ находилъ спрашиваться, съ давно уже минувшими временами, о своихъ должностяхъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ сыскалъ ихъ въ Исторїи, въ семъ единомъ совѣтникѣ, который всегда показываетъ истинну и никогда не заблуждаетъ. Онъ совниманїемъ разсматривалъ и слѣдовалъ за приращенїемъ и паденїемъ самыхъ величайшихъ Имперїй, кои попеременно усиливались, одни на развалинахъ другихъ, да и ниспадали же попеременно, подобно тѣмъ огромнымъ камнямъ, кои бывъ долгое время удивленїемъ и ужасомъ для путешествующихъ, наконецъ силою все разрушающаго времяни съ самой высоты горъ ниспадаютъ и разбиваются въ прахъ попираемый ногами мимоходящихъ. Онъ учился вмѣстѣ съ *Греками*, сими вкуса законодателями, коихъ превосходнѣйшїя произведенїи и опыты искуства ихъ сохранились даже до нашихъ времянъ; воспитывался вмѣстѣ съ *Римлянами*, вселенныя законодателями, коихъ законы пережили ихъ Имперїю. Онъ разсматривалъ ихъ борьбу съ Сѣверными народами, уви-

дѣлъ рожденіе всѣхъ новѣйшихъ Государствъ, и съ ними вмѣстѣ начало блистательнаго трона его предковъ, окружаемаго чрезъ цѣлыя четырнатцать столѣтій неусыпными трудами и громкою славою. Того самаго трона. . . . котораго скорое предстояло подъ нимъ же самимъ паденіе.

Въ семъ всеобщемъ и попеременномъ преобращеніи ясно только онъ усматривалъ, что единъ токмо Богъ, вѣченъ и непремѣненъ; что все то, что раждается и растетъ, опять умаляется и погибаетъ. Изъ всего онаго познавалъ онъ, случайныя причины, кои укосняютъ или ускоряютъ паденіе Государствъ; усматривалъ изъ того погрѣшности обладателей, заблужденія народовъ, дѣйствія страстей, и особливо высокомѣрія и любочестія, какъ наипагубнѣйшаго яда для всѣхъ владѣній земныхъ. А изъ всего того далѣе извлекалъ онъ послѣдствія и предпринималъ мудрыя правила повѣденія, чтобъ своею умѣренностію, справедливостію къ своимъ сосѣдямъ, постоянствомъ вразсужденіи соперниковъ, безкорыстіемъ во всѣхъ дѣлахъ, и наконецъ отеческою своею любовію къ подданнымъ, сохранить на всегда величіе той древней Монархіи, которая отъ него управляема была съ толикою

мудростїю и благоразумїемъ, но наконецъ сокровенными отъ человѣковъ судьбины на всегда исторженна.

Людовикъ XVI отлично обращалъ вниманїе свое на *Исторїю Бурбунскаго своего дома.* Онъ безъ престанно помышлялъ о дѣянїяхъ всѣхъ великихъ своихъ предшественниковъ, и особливо *Св. Людовика Генриха IV.* Тщился имъ во всемъ самъ подражать и только не имѣлъ удовольствїя видѣть у себя Министромъ *Сюжера* или *Сюллїя*, что бы привести въ забвенїе память оныхъ. Бывшие всегда при немъ вѣрные его служители могли то замѣчать наилучшимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ поступкахъ Людовика, въ на и большей части его разговоровъ и во всѣхъ его предпрїятїяхъ и намѣренїяхъ находили они всегда его уподобляющагося Генриху IV особливо же мнили видѣть и слышать онаго преодолителя Лиги, или мятежническихъ заговоровъ, когда нещастный Людовикъ возвратился изъ Варенны, окруженъ бывъ жестокосердыми воинами, угрожаемъ заклявшимися злоумышленниками, едва только не умерщвляѣмъ смертоносными оружїями звѣрообразныхъ своихъ подданныхъ, уже возносившихъ нечестивыя свои руки противу помазанника Божїя. Людовикъ безпокоился болѣе о пред-

стоявшей опасности вѣрнымъ своимъ служителямъ, нежели о своей собственной. Когда Герцогъ *Бриссакъ* тѣснился къ нему всеми силами, дабы имѣть удовольствіе поцѣловать его руку, то Король сказалъ ему предъ всѣми: „*Удалися, любезный другъ мой, удалися; всѣ окружающіе на тебя смотрятъ.* --- Бриссакъ съ сердечнымъ прискорбіемъ и въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ удалиться. Такъ; удалился онъ, но вскорѣ послѣ того за оную любовь и приверженность къ Государю своему учинился жертвою кровожаждущихъ Королевскихъ мучителей.

И кто бы не восхотѣлъ ради его принести себя на жертву? Сіе по справедливости заслуживали благороднѣйшія его свойства. Онъ соединялъ въ себѣ одномъ всѣ добродѣтели своихъ предшественниковъ. Былъ богобоязливъ, подобно *Людовику Святому.* Мудръ и умѣренъ подобно *Карлу V.* Праводушенъ и справедливъ подобно *Людовику XII.* Правосуденъ подобно *Франциску*, благъ, откровененъ, добросердеченъ и человѣколюбивъ подобно *Генриху IV.* Покровитель и споспѣшествователь наукъ и художествъ подобно *Людовику XIV.* Однимъ словомъ онъ былъ, по согласному признанію всего свѣта, наиправосуднѣйшій и человѣколюби-

вѣйшій мужъ во всемъ своемъ Государствѣ. Кто хорошо познавалъ его, такъ какъ Короля, тотъ желалъ имѣть его себѣ другомъ, а приобрѣтшій его дружбу желалъ опять имѣть его Королемъ.

Людовикъ весьма свободно предавался своимъ склонностямъ, потому что онъ былъ благъ, а онѣ честны; верховно обладалъ и управлялъ страстьми своими, потому что онѣ были кротки, а онъ додобродѣтеленъ. Будучи сострадателенъ столько, что не полагалъ никакихъ предѣловъ, своему состраданію, величайшею цѣною цѣнилъ жизнь человѣческую, и былъ совершенно неутѣшенъ, видя или слыша случившіяся кому либо нещастія. Отъ всего своего сердца не навидѣлъ онъ клевету, какъ будто предусматривалъ, что самъ онъ нѣкогда содѣлается жертвою оныя; никогда не обрѣтали принемъ себѣ прибѣжища злоба, насмѣшество, зависть и лукавство, сіи медленно дѣйствующіе сильные яды всякаго общества, безпрестанно презираемые, и при томъ всегда терпимые. Былъ всегда справедливъ по принятымъ единожды на всегда правиламъ, благодѣтеленъ по привычкѣ и вседушному своему стремленію къ благодѣяніямъ, праводушенъ безъ лицемѣрія, обходителенъ безъ принужденія, благъ безъ осла-

бленія, довѣрчивъ съ осмотрительностію, дружелюбенъ, и вѣренъ въ дружествѣ безъ перемѣнчивости. Разумъ его столько былъ основателенъ, поступки столь естественны и не принужденны, благоволеніе его столь благородно и любезно, что обходяся или разговаривая съ нимъ столь же было трудно вспомнить что онъ Король, какъ и забыть, что онъ таковъ дѣйствительно.

Людовикъ XVI. Когда по кончинѣ дѣда своего, принужденъ былъ вступить на престолъ; то вдругъ почувствовалъ всю тяжесть правленія. Закрывъ руками лице свое, по нѣсколькихъ минутъ прискорбнаго молчанія вдругъ онъ вскричалъ: „*Ахъ,* „*Боже мой! коль тягостно бремя правле-* „*нія!*„ какъ будто и тогда еще предчувствовалъ онъ тѣ мученія и нещастія, кои въ послѣдствіи времяни испытать онъ принужденъ былъ.

Во время его правленія Франція изнуряема была пагубными слѣдствіями долговремянныя и тяжкія войны, на морѣ и на сухомъ пути продолжавшіяся: но несравненно болѣе того изтощаема она была еще безпорядками, кои при управле-

нїи государственныхъ доходовъ вообще владычествовали во все продолженїе десятилѣтняго мира. Дворъ раздѣленъ былъ на различныя стороны. Уничтожены были всѣ верьховныя государственныя судилища, парламенты, счетныя и вспомогательныя палаты, сїи политическїя учрежденїя, современныя древностїю своею самой Монархїи, которой они служили самими надѣжнѣйшими подпорами, служили также самыми безопаснѣйшими порукали Королю въ вѣрности народа, а народу въ правосудїи Короля. Всецѣлая Францїя съ нетерпѣливостїю желала возстановленїя оныхъ судилищь. Парижъ былъ недоволенъ, области претѣрпѣвали великїя угнѣтенїя; всеобщее и повсюдное безпокойствїе, сей плачевной предвѣстникъ, приближающагося паденїя Государству, волновалъ всѣ разсудки. Министерїя мало уважаемая публикою, а еще, что всего вящше, по многимъ причинамъ не могшая приобрѣсть довѣренности Королевской, по видимому не находила ни какихъ средствъ, ни какого пути подать помощь своей не опытности, или въ ней признаться. По сему Людовикъ чувствовалъ нужду учредить одного верьховнаго, и всѣмъ управляющаго Министра, да и всецѣлой народъ, казалось, того же желалъ но избранїе та-

коваго Министра было весьма трудно, по тому что долженствовало оно быть отлично счастливо, и сходно съ желаніемъ Людовика. Сколь часто случается, что избирая изъ всего того, что только существуетъ, никакъ не находятъ то, что дѣйствительно существовать должно, и что ищутъ наиприлѣжнѣйше! Всякъ желаетъ, чтобъ Министръ былъ совершенно не погрѣшителенъ, и чтобъ Государи проникали не погрѣшительность его и дарованія еще прежде, нежели его изберутъ въ сіе званіе, но можно ли требовать отъ Государя, какъ человѣка, того, что свойственно только единому все проницающему и всевѣдущему Творческому Оку. Опытъ насъ увѣряетъ, что сама природа весьма скупится въ произведеніи великихъ мужей, и что цѣлыя столѣтія трудятся надъ произведеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Министръ долженъ быть настоящимъ Министромъ, не по одному только виду, но на самомъ дѣлѣ таковымъ, онъ не есть ни проповѣдникъ вѣры, ниже служитель Олтаря, но долженъ самъ быть твердо увѣренъ что святая вѣра есть первая законодательница въ мірѣ, есть крѣпчайшей союзъ, всѣхъ обществъ, утвержденіе всѣхъ троновъ, утѣшеніе всѣхъ сердецъ въ сей

плачевной юдоли міра, и обузданіе всѣхъ страстей. Министръ ея покровительствуетъ, ее защищаетъ, и самъ съ должнымъ благоговеніемъ ее уважаетъ.

Онъ самъ не есть законодатель, и не вѣдаетъ, что предписываютъ законы въ какомъ нибудь извѣстномъ случаѣ; однако же чувствуетъ, что они должны предписывать. По сему древность ихъ для него священна, и онъ соображается имъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, со всею должною предосторожностію и благоразуміемъ. Приказываетъ онъ и убѣждаетъ помощію ихъ токмо, да чрезъ ихъ же старается онъ болѣе предупреждать всякія преступленія и пороки, вмѣсто того, чтобъ уже содѣянныя наказывать. Его не утомимое правосудіе безъ прерывно бдитъ надъ общею и частною безопасностію, надъ собственностію вещей и вообще надъ всеобщимъ благоденствіемъ.

Хотя онъ самъ не военачальникъ и не предводительствуетъ воинствами, однако планами своими предначертываетъ путь къ побѣдѣ и склоняетъ ее на свою сторону; предписываетъ весь планъ военныхъ дѣйствій, какъ *Лувоа*, и избираетъ *Тюренней* для исполненія на самомъ дѣлѣ того, что предписано.

Онъ старается тщательно, повсюдную сохранять довѣренность къ своему отечеству, тщится приумножать оную, возвышаетъ ея и управляетъ по самымъ мудрымъ правиламъ. Онъ любитъ торговлю, ободряетъ ея и оживляетъ, отверзаетъ ей пути, прокапываетъ для споспѣшествованія ей каналы, устрояетъ пристани и основываетъ магазейны для складки товаровъ. Онъ подкрѣпляетъ и покровительствуетъ путешествующихъ и мореплавающихъ, старающихся чрезъ то разпространить познанія о странахъ, отдаленнѣйшихъ и доставляетъ городамъ всевозможныя средства къ обогащенію ихъ, будучи удостовѣренъ, что обогащеніе частныхъ людей чрезъ торговлю, есть обогащеніе всецѣлаго его отечества.

Онъ знаетъ всю цѣну мореплаванія и изыскиваетъ способы къ споспѣшествованію его и усовершенствованію. Такимъ образомъ въ прошедшемъ столѣтіи безсмертный Государь *Петръ* I учившись самъ кораблестроенію въ Сардамѣ, положилъ въ Россіи начало побѣдоноснымъ флотамъ, на окружающихъ ее моряхъ. Такимъ же образомъ и Іосифъ II, доставилъ способы флагамъ своимъ развѣвать отъ Тріеста даже до самаго Китая.

Хотя Министръ самъ не есть земледѣлецъ; однако содѣлываетъ наиплодоноснѣйшими всѣ управляемыя имъ области, а земледѣльцевъ въ нихъ обитающихъ щастливѣйшими, ободряя ихъ, и доставляя самые легчайшіе и выгоднѣйшіе способы продавать и отпускать свои избытки. Онъ не есть живописецъ, ниже рѣщикъ, однако старается изыскивать *Рафаелей*, *Пуссеновъ* и *Лосенковъ*, тщится ободрять ихъ и вознаграждать; онъ доставляетъ рѣщикамъ способы представитъ *Аполлона* изъ куска мармора, и самое грубѣйшее каменное вещество нѣкако оживотворить искуствомъ.

Онъ самъ не есть ремесленникъ, ниже фабрикантъ; однако всѣ ремесленники возбуждаются его гласомъ: манифактуры и фабрики возраждаются и ободряются его попеченіемъ; все содѣлывается изящнымъ, преуспѣваетъ и совершенствуется вокругъ его.

Онъ самъ не есть витія; однако всѣ ораторы безмолствуютъ въ его присудствіи. Онъ скажетъ только единое слово, и сіе слово возбуждаетъ умы, оживотворяетъ сердце и производитъ въ краткое время успѣхи въ краснорѣчіи такія, кои единымъ токмо вѣкамъ свойственны.

Отъ просвѣщенія и глубокихъ познаній Министра зависитъ благосостояніе и жребій цѣлыхъ народовъ. Онъ соединяетъ или отдаляетъ между собою области и народовъ по своему благоразсужденію.

Такимъ образомъ Великая ЕКАТЕРИНА приводитъ въ дѣйствіе мудрыя свои начертанія, кои приводятъ всецѣлый свѣтъ въ удивленіе; преноситъ Аѳины и Римъ Пальмиру и Карфагенъ въ ближайшее къ земкому полюсу свое Государство, въ тѣ страны, кои началъ возвеличивать ПЕТРЪ Великій, а въ ея премудрое правленіе содѣлались уже удивленіемъ свѣта. Рѣкла и цѣлые народы, внемля ея гласу, прибѣгаютъ подъ кровъ чадолюбиваго ея скипетра, устрояются селенія и области, и побѣдоносные ея флоты, по всюду торжествуя, возвѣщаютъ міру благоденствіе Россіи.

Однимъ словомъ Министръ руководствуется единою токмо ревностію къ своему отечеству, рвеніемъ къ его славѣ, и сіе чувствованіе погашаетъ въ немъ всѣ прочія страсти. Онъ поставляетъ свое щастіе во благоденствіи любезнѣйшаго своего отечества и свое вознагражденіе въ отзывѣ безпристрастнаго потомства, нимало не страшася строгаго суда его: по тому что дѣянія его справедливы и на-

чертанія пребудутъ святы вѣчно. Утверждаяся на незыблемомъ основаніи истинны, онъ противупоставляетъ клеветѣ свои добродѣтели, а зависти благоуспѣшное окончаніе своихъ предначертаній. Онъ предостороженъ и осмотрителенъ, когда все около его тихо и спокойно: бодръ и и непоколебимъ при предстоящей бури и умѣетъ употреблять въ свою пользу, всѣ встрѣчающіяся ему обстоятельства, намѣренія его дружественны и миролюбны; взоръ его объемлетъ всю великость и пространство дѣлъ; предосмотрительность его проницаетъ будущее. Онъ исправляетъ прошедшее, управляетъ настоящее и предначертаваетъ грядущее.

Таковъ-то Министръ, каковаго желалъ Людовикъ XVI. Но обрѣсти его не имѣлъ ни удовольствія, ниже времяни. Ежели справедливо, что потребныя случаи не попадаются иногда людямъ; то такъ же справедливо и то, что потребные люди непопадаются часто къ нужному случаю. Всецѣлая Франція съ превеличайшею нетерпѣливостію желала таковаго Министра; желала таковаго человѣка, которой бы въ отправленіи общественныхъ дѣлъ былъ уже искусенъ; котораго дѣятельный и предпріимчивый духъ былъ бы уже опытенъ въ дѣяніяхъ Министеріи,

и которой бы соединялъ въ себѣ единомъ величайшія добродѣтели, превосходнѣйшія дарованія, зрѣлое разсужденіе, твердое постоянство, глубокое познаніе о людяхъ и величайшую опытность во всемъ многоразличіи дѣлъ Министра. Но къ нещастію Кардиналъ *Бернисъ* находился тогда въ Римѣ; а стекшіяся обстоятельства внезапно требовали новаго Министра. Графъ *Морепа* управлявшій уже и прежде государственными дѣлами, имѣя только 20 лѣтъ отъ роду, занялъ снова мѣсто перваго Министра, но долговремянное бездѣйствіе и посредственность его дарованій, столько ослабили его силы, что онъ уже никакъ не былъ способенъ, къ преобразованію стекшихся тогда обстоятельствъ, хотя онъ и былъ по справедливости знатнѣйшимъ изъ всѣхъ Министровъ, управлявшихъ тогда дѣлами Франціи.

Людовикъ управлялъ Государствомъ безпрерывно одинъ даже до совершеннаго учрежденія полной при себѣ министеріи, онъ ознаменовалъ начало своего правленія тѣмъ, что сложилъ съ подданныхъ своихъ многоразличныя подати, для пріобрѣтенія ихъ любви и благодарности. Вскорѣ послѣ того востановилъ онъ опять по прежнему парламенты и всѣ вообще древнія судилища. Вся Франція приняла съ

совершенною признательностїю сїе благодѣянїе, и Людовикъ пожиная плоды всеобщїя любви, при семъ только случаѣ въ первый еще разъ почувствовалъ удовольствїе, что значитъ, управлять Государствомъназидая его благо? Добродѣтельный и благородный чувствованїями своими *Малсгербъ* возвѣстилъ ему еще болѣе, сказавъ: что *и правосудїе такъ же есть долгъ и благодѣянїе Государей.* Сїя благородная мысль, являющаяся, можетъ быть, для другихъ совершенно новою, тронула такъ же молодаго Короля весьма чувствительно. Всѣ правительства возраждаяся отъ гласу добродѣтельнаго своего Государя, клялись не щадить для него всѣя жизни своея. Но увы! вотще была сїя клятва! уже положено было, дабы погибли совокупно Монархъ, Монархїя и всѣ правительства Францїи.

Людовикъ XVI востановивъ въ Государствѣ Юстицъ-коллегїи, усмотрѣлъ ясно, что разумъ, истинное правосудїе, человѣчество и даже самое Божество очевидно были оскорбляемы самымъ варварскимъ обыкновенїемъ, употреблять пытки при допросахъ тѣхъ нещастныхъ, кои единственно только обвиняемы бывъ въ зводимыхъ на нихъ преступленїяхъ, ни когда ихъ не содѣлали. Онъ съ ужасомъ

увидѣлъ, что посреди жесточайшихъ мученій ослабѣвающая природа, часто принуждала самую чистѣйшую невинность оклеветывать самую себя, и что единый только законъ виновенъ тому, что при таковыхъ противуестественныхъ изысканіяхъ обвиняемые содѣлывались неминуемо нещастными жертвами. Узнать все оное и уничтожить для Людовика было одно и тоже; а съ того времяни и воспослѣдовало, что хотя иногда невинность и была обвиняема, но никогда уже не была приносима въ жертву преступленіямъ.

Сіе благодѣяніе сопровождено было другимъ подобнымъ. Онъ повелѣлъ во всемъ Государствѣ пересмотрѣть темницы, въ коихъ все вообще оскорбляло самую природу и вооружалось противу ея. Воздухъ, которымъ въ нихъ дышали, хлѣбъ, который тамъ снѣдали, оковы, которыми заключенные отягчаемы были, словомъ сказать: все вообще содѣлывало сіи нещастныя жилища, гробомъ для живущихъ; въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ самое на и большее мученіе состояло въ томъ, что безпрестанно изтаевая отъ зараженнаго воздуха, и отъ худой пищи, даже никакъ невозможно еще было и престать жить. Чувствительнѣйшій Людовикъ до слезъ былъ тронутъ описаніемъ ихъ: увѣдоми-

вшись о таковыхъ злоупотребленiяхъ имѣлъ онъ чистѣйшее удовольствiе навсегда прекратить ихъ, и чрезъ то положить конецъ мученiямъ, самаго человѣчества, даже и по однимъ обвиненiямъ много уже страждущаго.

Даже не избѣгли отъ бдительнаго человѣколюбiя Людовикова и такiя темницы, въ кои прежде никогда не проникало око публики. Всѣ важнѣйшiя и сокровеннѣйшiя узилища по всему Государству были отворены и содержавшiяся въ нихъ нещастныя жертвы или прощены были, или по крайнѣй мѣрѣ осуждены на гораздо легчайшiя наказанiя.

Полагая все свое удовольствiе во благѣ подданныхъ, Людовикъ не преминулъ обратить вниманiе свое на многообразность и почти излишество налоговъ. Изъ бывшихъ прежде министровъ иные старались оные уничтожать, а другiе оставляли все на прежнемъ основанiи: но мудрость Людовикова умѣла изобрѣсти между обѣими сторонами спасительнѣйшее средство. Напримѣръ по необходимости, всякiй долженъ былъ принять участiе въ налогахъ, кои нужны были для заведенiя и порядочнаго содержанiя по всему Государству главнѣйшихъ дорогъ; потому что удобность ихъ и польза для всякаго были

ощутительны, и при томъ производя способность къ сообщенію между собою отдаленнѣйшихъ въ Государствѣ странъ, распространяла по всѣмъ областямъ довольство и обиліе, по сему Людовикъ для общаго удовлетворенія указалъ, дабы бѣдные имѣющіе мало денегъ дѣйствительнымъ поправленіемъ дорогъ заработывали доставшіеся на ихъ часть налоги, а богатые содѣйствовали бы оному своими деньгами. Притомъ и простому народу позволилъ избирать то, либо другое, кто что находилъ полезнѣйшимъ для себя и выгоднѣйшимъ.

Но гораздо для Людовика труднѣе было разрѣшить ко всеобщему удовольствію вопросъ о вывозѣ хлѣба. Нѣкоторая часть Французовъ называвшихся *экономистами*, которые съ самаго начала и возродили пламя до нынѣ Францію пожирающее, хотѣла совершенной въ ономъ свободы. Король на то дѣйствительно соизволилъ: но народъ устрашившись пагубныхъ слѣдствій излишняго вывозу, вскорѣ на то вознопталъ, возмутился въ разныхъ областяхъ и заплатилъ за то возмутителямъ собственною своею кровію. Но ежели бы возможно было проникнуть во внутренность кабинета Людовика XVI то нашли бы его занимающагося донесе-

нїями изъ всѣхъ областей къ нему по оному дѣлу присланными. Всѣ вообще въ томъ согласны, что возстановленїе благоденствїя и обилїя между подданными Франціи было всегда единственнымъ предмѣтомъ его мыслей, и первѣйшимъ желанїемъ его сердца. Онъ разсматривалъ всѣ самыя древнѣйшїя законоположенїя въ своемъ Государствѣ по сему дѣлу, обыкновенїя сосѣдственныхъ державъ, мнѣнїя высшихъ своихъ судилищь, представленїя судилищь областныхъ и желанїя земледѣльцевъ, предложенныя отъ обществъ земледѣлїя, и тогда то уже наконецъ, имѣвъ удовольствїе узрѣть обилїе и довольство хлѣба во всемъ Государствѣ, рѣшился позволить вывозъ онаго, положивъ прежде на то цѣну и мѣру, дабы излїшнїй отпускъ изъ Государства не могъ произвести никакихъ пагубныхъ слѣдствїй для собственныхъ его подданныхъ. Сколь ни мудро было сїе разположенїе, не осталось однако безъ нѣкоторыхъ противорѣчїй и вкрадывающихся во все, даже на и святѣйшее, злоупотребленїй. Земледѣлецъ имѣющїй хлѣба съ избыткомъ приводится въ страхъ и самомалѣйшимъ принужденїемъ, а иждивающїй его обезпокоивается позволенїемъ и малаго вывозу. Первый хочетъ чтобъ нужда его искала посреди сельскихъ упражненїй; а дру-

гій желаетъ, чтобъ все самимъ легчайшимъ способомъ содѣйствовало къ удовлетворенію его нуждъ. Но публичная власть стараясь соблюсти выгоды общія въ ономъ дѣлѣ, весьма часто претерпѣваетъ жалобы отъ обѣихъ сторонъ, хотя она и совершенно невинна, и справедлива какъ вразсужденіи той, такъ и другой стороны, наблюдая пользы и благо обѣихъ. За симъ воспослѣдовали жалобы, роптаніе и злостныя обвиненія, сіи пагубныя побужденія, кои, умѣли во всякое время заклявшіеся злоумышленники, употреблять въ свою пользу для совершеннаго ослѣпленія народа и ввержения Франціи въ безначаліе, въ которомъ она до нынѣ погружена.

Цѣна хлѣба была безпрерывно настоящимъ барометромъ Французскаго своевольства. Ея возвышали, когда злоумышленники хотѣли произвести какія нибудь новыя перемѣны между народомъ или причинить Королю какія наглости; напротивъ того весьма ея унижали когда оные изверги получали свое желаемое, или когда успѣвали вынудить отъ короля какія нибудь важныя пожертвованія. Сіе средство употребляли они единственно къ клеветамъ на своего Государя: сей способъ послужилъ 5 Октября 1789 года предлогомъ

и оправданïемъ наглостей произведенныхъ тогда въ Версалïи буйнымъ народомъ. Всѣ съ бѣшенствомъ въ то время кричали, что они идутъ въ Версалïи сыскать хлѣбника, хлѣбницу и ихъ маленькаго сотоварища. Когда же на другой день привезены были въ Парижъ, плѣнниками Король, Королева и Дофинъ, то вдругъ явилось не объятное множество телѣгъ съ хлѣбомъ; и при семъ случаѣ безчестный *Неккеръ*, коему препоручено было пещися о съѣстныхъ припасахъ, получилъ честь за мнимое доставленïе въ Парижъ толикаго обилïя, и не устыдился допустить злоумышленникамъ обвинять добродѣтельнѣйшаго и человѣколюбивѣйшаго Монарха, будто бы онъ имѣлъ намѣренïе произвести въ Парижѣ голодъ.

Людовикъ чувствительно трогаемъ будучи жалостнымъ состоянïемъ бѣднѣйшаго класса своихъ подданныхъ, учредилъ по всему своему Государству особливыя общества подъ именемъ *споспѣшниковъ милости*; кои нуждамъ оныхъ вспомоществовать долженствовали. Онъ позволилъ всякому вообще богатому соучаствовать въ Монаршихъ своихъ благодѣянïяхъ, и для облегченïя участи оныхъ нещастныхъ доставилъ имъ работы полезныя, какъ для Государства, такъ и для снисканïя имъ

собственнаго содержанія. Но кто бы могъ подумать, что бы оныя общества, кои онъ самъ всячески ободрялъ и покровительствовалъ, и коимъ не было даже по то время примѣра во Французской исторіи, могли содѣлаться страшнѣйшими его врагами орудіемъ къ собственной его погибели?

Взоры его наипаче устремлялись на земледѣльческія нивы: на нихъ то особливо старался онъ содѣлать Королевское свое могущество благопотребнымъ; на нихъ то собственно нарицаему себѣ быть отцемъ своихъ подданныхъ поставлялъ онъ наивеличайшимъ своимъ удовольствіемъ. Онъ усматривалъ ясно сколько-то необходимо нужно было умножать и приводить до возможнаго совершенства всѣ тѣ роды полезныхъ животныхъ, кои облегчая тягость человѣческихъ работъ содѣйствовали при томъ всякимъ ихъ пользамъ и выгодамъ. Онъ не поставлялъ для себя низкимъ заниматься усовершенствованіемъ того рода кроткихъ животныхъ, коихъ волна украшаетъ Государей въ самыхъ ихъ порфирахъ. Такимъ-то образомъ и *Карлъ V*, посѣтившій гробницу простаго рыбака, содѣйствовавшаго къ обогащенію своего отечества, явилъ себя предъ очами вселенныя несравненно большимъ, нежели когда бы онъ помышлялъ объ завоеваніи всего свѣта.

Но что значитъ земледѣлецъ одинъ самъ собою безъ мануфактуръ и фабрикъ переработывающихъ его произведенія? Что значитъ и самый трудолюбивѣйшій Оратай безъ ремеслъ и торговли преобращающей труды его въ очевидную пользу Государства? Да при томъ и сказать надобно, какая бы сыскаться могла мануфактура или родъ торговли, коихъ бы Людовикъ XVI не позналъ, не покровительствовалъ и не ободрилъ?

Въ Африкѣ основаны новыя селенія: Остъиндское торговое общество по мирному въ 1763 году, договору разрушилось подобно великому Колоссу, который въ Азіи владычествовалъ, а во Франціи повиновался съ подобострастіемъ: но Людовикъ XVI возстановилъ его снова, что по всѣй справедливости стоило не сравненно вящихъ трудовъ, нежели бы его учреждать съ самаго начала. Во всѣхъ пристанищахъ учрежденныя вспомоществованія возбудили вновь привозъ нужнаго и вывозъ излишняго.

Рыбная ловля разпространена до самыхъ отдаленнѣйшихъ странъ, и всѣми мѣрами по всюду ободрена, бывъ доставила купечеству не смѣтныя суммы, онато способствовала къ тому, что общественная отъ иностранныхъ довѣренность

къ Французскому Государству, соединила довѣрїе Самодержца, безъ коего она и ни какъ существовать не могла, съ довѣрїемъ ко всему народу, безъ котораго она вотще бы существовала. Торговые договоры съ Англїею и другими Державами заключенные привели Францїю въ состоянїе промѣнивать взаимно произведенїя земли и трудолюбїя.

Наконецъ мудрые законы соединили тѣснымъ союзомъ вновь основанныя въ другихъ частяхъ свѣта селенїя съ собственнымъ ихъ отечествомъ, и доставили чрезъ то безопасность обоюдному ихъ благосостоянїю.

Обширная торговля неминуемо требуетъ и великой морской силы: и по тому когда управлялъ морскимъ департаментомъ *Маршалъ Дю-Кастерїе*, спущены съ Французскихъ корабельныхъ верфтей страшные флоты. Французскїй флагъ уважаемъ былъ во всѣхъ частяхъ свѣта. При всѣхъ щастливыхъ успѣхахъ своего оружїя. Людовикъ никогда не выпускалъ изъ памяти своей, ни правъ человѣчества, ниже достойнаго признанїя къ дарованїямъ великихъ мужей. Сїи души его человѣколюбивыя чувствованїя особливо обнаружились когда онъ извѣстился, что знаменитый мореплаватель *Кукъ* долженст-

вовалъ вскорѣ возвратиться изъ своего пути. Людовикъ ни какъ не желалъ подвергнуть сего великаго мужа случаямъ военнымъ, и по тому рекомендуя его всѣмъ своимъ Адмираламъ, и капитанамъ корабельнымъ просилъ и повелѣвалъ, дабы ни малѣйшаго зла не причинять оному великому мореплавателю, какъ бы чрезъ то хотѣлъ имъ дать знать, что и самый громъ пушекъ долженствовалъ уважать величїе духа въ *Кукѣ*. Подобно сему нѣкогда непрїятели Францїи осадивъ городъ *Камбре* почтили память славнаго *Фенелона.*

Всѣ пристани были возобновлены; огненные маяки для мореходцовъ по брегамъ морскимъ умножены, и Британскїй каналъ, со изумленїемъ узрѣлъ порожденїе славнаго *Шербурга*; *Шербурга* предназначеннаго успокоить тѣнь Людовика XIV, котораго морская сила была поражена при мысѣ Дели-Гогѣ непрїятелями Францїи. Тако еще Людовикъ XV на ближайшемъ къ оному мысу морскомъ брегѣ повелѣлъ воздвигнуть великолѣпный памятникъ, ратоборцамъ погибшимъ въ ономъ сраженїи. И по справедливости основанное училище для потомковъ оныхъ воиновъ пребудетъ навсегда напоминовенїемъ симъ младымъ ратникамъ, да отмстятъ храбростїю своею

смерть предковъ своихъ, кровь своихъ сродниковъ. Но возможно ли безъ особливаго нѣкоего сердечнаго соболѣзнованія произнести имя *Шербурга*? надобно только привести себѣ на память то достопамятное путешествіе, или лучше сказать, торжественное шествіе, въ коемъ Людовикъ XVI привлекши себѣ всеобщія сердца, познал сам Французовъ, и далъ имъ самаго себя познать подробнѣе, когда онъ радостію и по всюднымъ усердіемъ сопровождаемъ испускалъ и самъ слезы радости, слезы сердечнаго удовольствія. По всюду обожаемъ, по всюду правосудящь и благодѣтельствующь, по всюду слыша провозглашаема себя наилучшимъ изъ Королей, мнилъ онъ себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ. Но бедственная и не постижимая судьба! ты его слезы радости и истиннаго удовольствія срастворила послѣ наигорчайшею желчію печалей. Народъ варварской! Народъ измѣннической! ты дерзнулъ послѣ обвиняти того же самаго Монарха, коего за нѣсколько предъ тѣмъ времяни осыпалъ благословеніями! коликихъ благъ онъ не сотворилъ для тебя тогда, и колилими злами не воздалъ ты ему потомъ? А ты Августѣйшая и несчастная Королева! ты, которая сопутствуя въономъ путешествіи пожина-

ла вмѣстѣ торжество добродѣтелей дражайшаго твоего супруга на всякомъ шагѣ пути вашего! ты, которая купно съ нимъ толь живо чувствовала счастіе обладать народомъ, Государя своего любящимъ и отъ его любимымъ! тебѣ такъ же назначено было раздѣлять съ нимъ и тяжесть его мученій!

Художества послѣдуютъ за обиліемъ, за народнымъ богатствомъ; а по сему и они не были забвены покровительствомъ Людовика XVI. Художники, Ученые и вы Академики! вы призываетесь предъ судъ Вселенныя, признайтесь, не находили ли вы себѣ прибѣжище во дворѣ его? Какихъ благодѣяній вы отъ него еще не получили? Какое дарованіе осталось безъ награжденія? Какой еще питомецъ не ободренъ имъ? Не для вашей ли славы, не для вашего ли просвѣщенія, основалъ онъ то пространное зданіе, въ коемъ помѣстилъ онъ богатѣйшее собраніе всякихъ рѣдкостей, и знаменитѣйшихъ произведеній всѣхъ времянъ и всѣхъ художествъ? Для кого основалъ онъ въ Парижѣ садъ носившій имя своего основателя Людовика XVI, садъ далеко превосходнѣйшій садовъ Семирамиды, коими славилась мрачная древность, потому что они давно уже не существуютъ на свѣтѣ. Тотъ садъ, въ кото-

ромъ растѣнія различныхъ и со всѣмъ одна дрогой противоположенныхъ странъ его стараніемъ собраны и насаждены вмѣстѣ. Художники! Не вашими ли трудами содѣлалъ онъ безсмертными толь великія произшествія? Не при вашей ли помощи прославилъ онъ *Шевалье Д, Асса* которой былъ болѣе можетъ быть древняго *Курція*? Не Людовикъ ли востановилъ статуи и другіе безсмертные памятники, *Пасхалію*, *Декарту*, *Фонтеню*, *Дель-Опиталю*, *Фаберту*, *Катинату*, *Боссюету* и многимъ другимъ достойнымъ мужамъ, которыхъ намѣривалась злоба предать вѣчному забвенію? Не разпространялъ ли онъ свои благодѣянія, до самаго послѣдняго своего дыханія, на всякія новыя изобрѣтенія? О щастливый *Пилатъ Розьеръ*! столь достойно вознагражденный Людовикомъ XVI! ты, котораго взоръ человѣческій искалъ, преслѣдовалъ и потерялъ въ небесахъ! сколь щастливъ ты, будучи вознесенъ превыше беззаконной и развращенной земли сея, и оттуда уже болѣе не возвращаяся! (1)

---

(1) *Пилатъ Розьеръ* знаменитый профессоръ физики поднялся первой на воздухъ на чудной машинѣ, изобрѣтенной Монегольфьеромъ. Король ему далъ грамоту на дворянство и пен-

Се Государь, каковаго лишились художества, купечество, земледѣлїе и мореплаванїе!

Взирая съ прискорбїемъ на тяжесть податей, онъ всегда стремился къ облегченїю отъ оной своего народа. Бережливость была первымъ его средствомъ для достиженїя онаго намѣренїя: бережливость была единственное сокровище, которое Министры его предшественниковъ пренебрегали до толѣ. Даже возсѣдя на высотѣ престола своего онъ не находилъ особливой не обходимости окружаему быть блескомъ великолѣпїя и пышности, но поспѣшалъ пожертвовать большею онаго частїю благополучїю своего народа. Мушкетеры, легкая конница, жандармы, конные гранодеры, сїи толь благородные защитники престола, были притѣснены. Единая токмо его Гвардїя превозмогла надъ насилїемъ угнѣтавшимъ ея соратниковъ; но и сея чести удостоена была какъ буд-

сїю, хоть онъ и нетребовалъ. Онъ сдѣлалъ близъ Булона Аеростатической шаръ дабы перелѣтѣть Британской каналъ между Калемъ и Дувромъ, но по нещастїю шаръ его загорелся самъ собою, при семъ и Пилатъ Розьеръ преобратился въ прахъ на высотѣ болѣе 1000 тоазовъ Французскихъ.

то для того токмо, чтобъ окончать съ храбростїю животъ свой предъ очами своего Государя.

Людовикъ XVI не созидалъ великолѣпныхъ для себя дворцовъ будучи увѣренъ, что состроенїе ихъ могло стоить цѣлыхъ потоковъ слезъ для его подданныхъ. Бѣдная крестьянская хижина была единымъ его дворцомъ, о каковой онъ помышлялъ болѣе всего.

Между тѣмъ *Морепа* вовлекъ Людовика XVI своею юностїю и не опытностїю въ войну неправедную. Ахъ! не осмѣлимся ли мы назвать ея предъ потомствомъ паче войной нещастною: потому что она доставила Америкѣ свободу, а Францїи погибель.

Францїя съ своей стороны вовлекла въ оную войну и Испанїю. Благородный сей и еще мало отличный народъ, которой прежде подписалъ фамильный Бурбонскїй договоръ на остаткахъ упадшїя нашея морскїя силы, на развалинахъ отдаленныхъ нашихъ владенїй, не отрекся наконецъ дать помощь раздѣляя вмѣстѣ тяжкое бремя войны. Вскорѣ при семъ узрѣли при *Гибралтарѣ* искуство и природу борющихся вмѣстѣ, узрѣли мужество Кастильское силящееся овладѣть одною токмо скалою защищаемою молнїено-

сными шарами Бриттовъ: зрѣли наконецъ какъ храбрый *Еллiотъ* уничтожилъ и изпровергъ всѣ успѣхомъ обольщавшiе замыслы не устрашимаго *Нассау-Зигена.*

О новый свѣтъ, сколь дорого стоитъ твое существованiе человѣчеству! колико твои дары для него пагубны! возьми обратно свое золото, которымъ ты насъ разтравляешь, возьми его за цѣну крови, которою съ начала твоего открытiя обагрены брега твои; возьми обратно свою мнимую и ложную свободу, которою ты отравилъ Францiю. О Америка! ты изострила оружiе употребленное Лафаетомъ! ты изострила оной Цареубiйственный мечь. . . . Но ты пославъ къ намъ всякiя беззаконiя, въ молчанiи и тишинѣ охраняешь сама всѣ добродѣтели!

Колико ни несправедлива была оная война; однако надобно было ея выдержать. Самая мрачная политическая хитрость представила Министру государственныхъ доходовъ въ Неккерѣ человѣка, которой прикрывалъ нестерпимую гордость и чрезмѣрную надмѣнность видомъ глубокаго лицемѣрiя, и которой показывалъ удивительныя дарованiя для сокрытiя предъ публикою своего грубаго невѣжества. Невзирая на всѣ сiи послѣ оказавшiяся въ немъ недостатки признанъ онъ былъ го-

сударственнымъ казначеемъ и почтенъ достоинствомъ Министра ни малѣйшихъ не обрѣтшій для онаго свѣденій. Онъ управлялъ Государемъ приспособляясь съ мнѣніями общественными, и мнѣніями общественными располагалъ сообразно тому разсужденію, каковое имѣли о его довѣренности у своего Государя. Онъ обстоятельно вѣдалъ совершенное Королевское сопротивленіе всякимъ новымъ налогамъ. Онъ зналъ такъ же склонность Французовъ, которые пожелали бы лучше претерпѣть самой величайшій ущербъ въ грядущія времена, нежели постыдить себя въ настоящихъ обстоятельствахъ. Обѣ сіи слабыя стороны умѣлъ Неккеръ обратить въ свою пользу съ удивительнымъ успѣхомъ, и довелъ сіе до того, что долги государственные сдѣлались чрезмѣрны, такъ что проценты превышали уже самой капиталъ; употреблялъ пагубныя средства для привлеченія счастія на свою сторону, и посреди глубокаго покоя неминуемо предъуготовлялъ наижесточайшую бурю. Между тѣмъ Неккеръ объявилъ самъ себя великимъ человѣкомъ, да и народъ тоже подтвердилъ за нимъ, онъ утверждалъ, что не налагалъ ни какихъ новыхъ податей, но между тѣмъ рылъ пропасть, которую невозможно бы-

ло наполнить ни какими и самыми безмѣрными налогами. Не взирая на всѣ сіи ложныя подтвержденія, онъ умножалъ еще подати; однако все сіе было закрыто мракомъ невѣденія предъ Государемъ и публикою. Тайныя его письма и повеленія обязывали областныхъ правителей умножать въ подчиненныхъ имъ мѣстахъ оброчные доходы и подати, которые лежали болѣе на народѣ. Такимъ образомъ Министръ сей обманывая всѣхъ высшихъ, угнѣталъ всю чернь. Устрашенной однако собственнымъ своимъ дѣяніемъ, онъ почелъ за должное, для своей безопасности, объявить законными, чрезъ грамоты свои, приращенія казны, при помощи особливыхъ и новыхъ законоположеній. Не различая своего управленія отъ управленія своихъ предшественниковъ, не великой нашелъ онъ трудъ, чтобъ безъ оскорбленія своего самолюбія, обвинить предшественниковъ, а самаго себя выхвалить. Ободренъ таковыми успѣхами, недовольствовался онъ служеніемъ, но восхотѣлъ самъ господствовать, а наконецъ уединеніе его и содѣлалось ему за оное наградою.

Между тѣмъ зло содѣлалось столь великимъ, что требовало великихъ для отвращенія онаго средствъ, но средства сіи казались для парламентовъ весьма опа-

сными, хотя они и не разсмотрѣли еще всей глубины раны.

При не обычайномъ какомъ либо случаѣ потребны и средства оному соразмѣрныя. Въ сихъ обстоятельствахъ одно токмо важное и благородное мнѣнїе представлено было Королю. Оно состояло въ томъ, чтобъ собрать по примѣру *Генриха* IV. *Знамѣнитыхъ особъ всѣго Государства*, знамѣнитыхъ въ каждомъ государственномъ сословїи, чтобъ открыть имъ состоянїе государственныхъ доходовъ со всею подробностїю, и посовѣтоваться съ ними съ совершенною откровенностїю, о средствахъ къ уврачеванїю онаго государственнаго зла. По справедливости сказать должно, что въ семъ мнѣнїи находились и мудрая предосторожность, и соразмѣрное важности сего дѣла величїе; но не было довольно искуства, къ произведенїю его въ дѣйство, самое даже время тому не благопрїятствовало. И такъ, посреди таковой бури, еще болѣе привлекаемъ былъ молнїесный ударъ, вмѣсто того, чтобъ оной отдалять всячески стараться. Злоба устремилась на сїе мудрое предначертанїе и разрушила его. Неккеръ хотя и весьма слабый Министръ, былъ опять призванъ единственно для отвращенїя толикаго зла, но онъ вмѣсто

врачеванія, еще приумножилъ оное и дополнилъ. Не имѣя достаточныхъ правилъ къ управленію, онъ былъ рѣшителенъ, но не совѣтуясь съ искуснѣйшими себя, понималъ не ясно, желалъ съ насиліемъ, исполнялъ со слабостію, и истощевалъ силы общественные. Не въ состояніи будучи оными дѣйствовать.

Людовику XVI предстояли весьма многоразличныя противорѣчія, но онъ ихъ преодолѣлъ. Для него не было ни одной жертвы, на которую бы онъ не согласился, когда только ему предлагали что благополучіе его народа того требовало. Такимъ образомъ во всѣхъ своихъ предначинаніяхъ, онъ всегда былъ управляемъ мнѣніемъ публики, и никогда отъ него не удалялся. Неккеръ вступивши въ должность содѣлался совершеннымъ повелителемъ. Его характеръ къ тому побуждалъ, и обстоятельства того требовали. Онъ управлялъ Королемъ подъ именемъ блага общественнаго, и именемъ Короля всѣмъ Королевствомъ. Въ таковомъ неслыханномъ превращеніи, въ такое время, когда корабль Государства угрожаемъ былъ кораблекрушеніемъ, должно было препоручить правленіе онаго мудрости и искуству кормчаго. И въ самомъ дѣлѣ Людовикъ уподоблялся въ семъ случаѣ не упо-

мимому и искусному кормчему, изыскивалъ всякія возможныя средства для спасенія своего Государства. Нѣкоторые по истиннѣ благородные души увѣдомляли сего Монарха о вѣроломныхъ предпріятіяхъ его Министра. Но уже не было времяни, онъ уже былъ ему преданъ, и должно было довершиться сему жертвоприношенію. Такимъ образомъ *Александръ великій* съ спокойнымъ духомъ пилъ лѣкарство, о которомъ его предувѣдомили, что оно приготовлено для отравленія его. Но покрайнѣй мѣрѣ сіе лѣкарство его излѣчило. А Министръ Людовика XVI свергнулъ его съ престола. Какъ возможно произнести слова сіи безъ чрезвычайнаго содраганія сердца? Я не буду разсматривать, хотѣлъ ли того Неккеръ, и не буду думать, желалъ ли онъ того? Потому что Неккеръ въ семъ случаѣ судимъ быть долженствуетъ единымъ токмо сердцевѣдцемъ, и собственною своею совѣстію. Но всякъ видѣлъ событіе онаго; видѣла вся Франція, исторія и потомство тоже самое повѣдаютъ въ страхъ слабымъ горделивцамъ, кои отважатся въградущія времена возмущать спокойствіе Государствъ.

Неккеръ получа въ первой разъ увольненіе отъ должности Министра увезъ съ собою всѣ записки, доставленныя ему

начальниками казенныхъ палатъ о всѣхъ отрасляхъ государственныхъ доходовъ. Такъ же взялъ съ собою и всѣ предначертанія присыланныя о сей же матеріи какъ къ его предшественникамъ, такъ и къ нему самому. Онъ соединивъ ихъ токмо воедино издалъ подъ собственнымъ своимъ именемъ сочиненіе *о управленіи государственныхъ доходовъ.* Такъ, онъ издалъ ту достопамятную книгу, которая была причиною общаго не благоволенія, и истиннымъ побужденіемъ къ возмущенію, которая подала соблазнительной и законопреступной въ немъ примѣръ, какъ въ уволенномъ отъ своея должности Министрѣ, открывающемъ публикѣ тайны, заключающія судьбу добродѣтельнаго Государя. Побуждаемый страстнымъ желаніемъ вступить опять въ должность. Онъ вдругъ раздражилъ оною книгою и честныхъ людей, кои доброжелательствуя своему обществу надѣялись въ ней найти спасительныя средства ко уврачеванію бѣдствія Франціи, и друзей кои ревнуя о его щастіи, старались возвратить его опять къ Министеріи Французской, и непріятелей общественнаго благоденствія, кои жаждали времяни всеобщаго возмущенія. Но по его возвращеніи колико удивилась вся Франція, узрѣвъ

его судїею, и противникомъ тѣхъ же самыхъ предначертанїй, которыя ему приобрѣли толико сердецъ. На мѣсто имъ же самимъ подтвержденныхъ и предложенныхъ мнѣнїй онъ началъ требовать и изыскивать новыхъ разположенїй, предался совершенно площаднымъ политикамъ, и затѣйщикамъ новыхъ учрежденїй, подкрѣплялъ различныя партїи, соединялся съ каждою изъ нихъ въ тайнѣ, ласкалъ всѣ оныя совокупно, нетерпѣливо желалъ перемѣны, не будучи въ состоянїи управлять ею, и не имѣя никакой мудрой предосторожности положилъ свое упованїе на единый токмо случай обстоятельствъ. Всецѣлая Францїя находилась тогда въ превеличайшемъ движенїи: зложелатели своего отечества старались еще болѣе умножить и разпространять таковыя смятенїя. Благочинїе города Парижа находилось въ совершенномъ расслабленїи. Говорили обо всемъ, все печатали и дѣлали все, всякїй по своему умоначертанїю. Возмутители собирались явно, писали въ провинцїи, возмущали всякаго, оклеветывали всѣхъ находящихся при должностяхъ. Они не навидѣли все, что велико, благо, и справедливо; покровительствуемая добродѣтель была предъ ихъ очами сугубымъ преступленїемъ; они ос-

новывали буйство свое на мстительномъ самолюбіи Неккера, на слабости его сообщниковъ, и на благодушіи Короля своего. Скрывая виды своего злонамѣренія говорили Министру о собственномъ его отмщеніи и славѣ; а Монарху о благоденствіи его народа. Ласкали Неккеру называя его Министромъ народа противъ Короля и Людовика XVI провозглашали щастливымъ свидѣтелемъ благополучія народа. Все имъ споспѣшествовало. Неккеръ яко орудіе мятежническаго буйства содѣлался начальникомъ онаго, дабы происходящее во Франціи сокрыть отъ очей свѣта. Онъ засѣдалъ вмѣстѣ съ знаменитыми особами. Потомъ желая обнаружить свои преднечертанія пригласилъ онъ государственныя чиностоянія, однакожъ по древнему обыкновенію Монархіи Французской. Онъ столь хитро на писалъ письма, которые подписывать, Людовикъ почиталъ себя обязаннымъ, что сей Монархъ, казалось, самъ преклонялъ народъ свой къ смятенію. Таковое приглашеніе было объявленіемъ войны собственностямъ. Дворяне безъ помѣстьевъ, духовные безъ доходовъ, приходскіе священники безъ приходовъ, а только назначенные еще къ сему званію, и вообще всѣ такіе, которые не имѣли ни чего собственнаго, кромѣ искуства пи-

шаться иждивенїемъ своего ближняго, превозмогли сперва въ уѣздныхъ собранїяхъ, а потомъ и въ самомъ собранїи государственныхъ сословїй.

О Людовикъ добродѣтельнѣйшїй Госурь! въ послѣднїй разъ тебя видѣли тогда сидящаго съ Августѣйшею твоею супругою въ полномъ величїи на блестящемъ престолѣ предковъ твоихъ, окруженнаго благородными твоими братьями, составляющими нынѣ надежду истинныхъ Французовъ и грозящими за тебя мщенїемъ, окруженнаго Принцами твоей крови, великими мужами твоего Государства и Министрами твоей высочайшей и благодѣйствующей воли. Народъ твой, щастливый еще въ то время, что тебя созерцалъ, собравшїйся изъ трехъ чиностоянїй твоего Государства составлялъ между престоломъ твоимъ и имъ самимъ величественное нѣкое святилищѣ. Весь дворъ, весь Парижъ окружили тогда сїе величественное зрѣлищѣ, всеобщїя радостныя возклицанїя, и слава ознаменовали оное великое торжество. Благоговѣйное молчанїе царствовало во всецѣломъ собранїи. Лучь солнца проникнувшїй своды неба освѣщалъ тогда величественное чело Людовика XVI. Кажется можно было возмнить, что самъ Богъ вѣщалъ тогда Божествен-

ные свои отвѣты, и въ томъ бы не обманулись. По истиннѣ самое небо оживотворяло духъ и сердце Людовика; оно вѣщало его устами сїи достойные вѣчной памяти слова:

„Все, что токмо можно ожидать отъ „нѣжнѣйшаго участвованїя моего въ „благоденствїи общественномъ, все, „что токмо можно требовать отъ „Государя какъ перваго друга его на„рода; всего того вы можете и дол„жны надѣяться отъ моихъ чувство„ванїй.

При сихъ словахъ очи каждаго оросились слезами; всѣхъ сердца умилились и Людовикъ XVI тихими стопами возвращающїйся во свои чертоги сопровождаемъ былъ радостными восклицанїями: но сїи гласы были послѣднїя издыханїя свободы, добродѣтели и Монархїи. Кто же послѣ толь пресвѣтлаго торжества могъ бы опровергнуть оной престолъ изгнать Принцовъ крови, мучить бодрственное духовенство, разогнать дворянство, и развратить подданныхъ толико вѣрныхъ и толико покорныхъ? Двукратно собиравшееся буйственное собранїе произвело всѣ сїи бѣдствїя, оно имѣло предмѣтомъ, какъ говорилъ начальникъ онаго буйства, то, чтобъ возродить свѣденїя и права сейма

и собранія чиновъ государственныхъ, не умножая его перевѣсу.

Но оно, лучше сказать, имѣло единственнымъ своимъ предметомъ, то дабы съ перваго разу обременить два высшія чиносостоянія государственныя тяжестію своихъ противуестественныхъ узаконеній. Вотще сему тщеславному, не справедливому и беззаконному установленію сопротивлялись законы Монархіи, важность примѣровъ, стеченіе обстоятельствъ и наконецъ священное и ни кѣмъ не отъемлемое право собственности. Сопротивленіе обоихъ первыхъ государственныхъ сословій было тотчасъ опровергнуто; злоумышленники обратили съ самаго начала противу ихъ же самихъ собственную ихъ любовь къ Королю, противопоставили опасность Монарха опасности Монархіи, возбудили возмущеніе неминуемо угрожавшее жизни Людовика XVI и въ письмѣ Графа Д' Артоа къ дворянству писанномъ, принудили возвыситься тому гласу великодушія, коему никогда не могли сопровляться истинно благородныя сердца.

Оба первѣйшія государственныя чиносостоянія презрили бы угрожавшую опасность, ежели бы только она для однихъ ихъ предстояла; но когда уныніе заставляло молчать весь разсудокъ; то не вре-

мя уже было разсуждать токмо, а необходимо надобно было приступить къ совершенію самаго дѣла; дворянство и духовенство соединилось съ третьимъ чиностояніемъ, дабы за благовремянно предупредить угрожавшія Франціи ужаснѣйшія бѣдствія. Съ сего самаго времяни государственные чины, преставши быть свободными, престали и существовать. Французская Монархія была до основанія поколебана симъ мятежническимъ и буйственнымъ собраніемъ. Вѣроломные и клятвопреступные подданные посыланные къ своему Государю для полученія объясненій на свои сомнѣнія и для принятія отъ него спасительныхъ законовъ, дерзнули предъ нимъ начертывать самыя несноснѣйшія по всѣмъ отношеніямъ постановленія, и нагло опровергали сами тотъ тронъ. Для поддержанія коего они были созваны. При сихъ-то самыхъ обстоятельствахъ на всегда пресѣклось Царствованіе нещастнаго Людовика XVI и началися его страданія.

Коль было горестно для чувствительнаго сердца Людовикова, что весь доброй порядокъ, всѣ законы учинились презрѣнны и по всюду ногами мятежниковъ были попираемы? Когда безумствующая и зломышленниками подкупленная и подъущенная чернь явно насмѣхалась и даже

нагло обижала Архіепископа Парижскаго и другихъ достопочтенныхъ духовныхъ особъ кои во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, внимая единственно гласу совѣсти своея, важности своего званія, не могли подать свое согласіе на различныя буйственныя постановленія зломышленниковъ. Король же съ своей стороны, имѣя руки свои связанными отъ собственнаго своего предательнаго Министра со всѣмъ былъ не въ состояніи удержать теченіе оныхъ странныхъ безпорядковъ.

Коль тяжко было Людовикову сердцу, что нѣкоторое только число его подданныхъ хищнически присвоивъ себѣ верьховную власть осмѣлилось безстыдно назвать себя законодательнымъ народнымъ собраніемъ, а притомъ презрѣть и уничтожить всѣ вообще постановленія и учрежденія, всѣ даже первоначальные Монархіи законы, кои по самой своей долговременности чрезъ цѣлые четырнатцать вѣковъ споспѣшествовали безпрерывно благосостоянію, могуществу, славѣ и величію Французской Монархіи.

Коль прискорбно было Людовику видѣть, что заклявшіяся мятежники ласкали черни, дабы ея себѣ поработить; что они приписывали народу химерическую верьховную власть, дабы единственно се-

бѣ присвоить, то самодержавіе которое они въ то же время похищали отъ своего Самодержца; что они въ обществѣ живущему человѣку присвоивали всѣ права человѣка только что изшедшаго изъ рукъ природы и освобождали его отъ всѣхъ тѣхъ должностей и обязанностей, кои неминуемо налагаетъ жизнь общественная; и наконецъ, что они разсѣевали, и съ жаромъ защищали оныя безумныя правила, дабы чрезъ то утвердить на незыблемомъ, по мнѣнію ихъ, основаніи самовластіе свое собственное.

Посреди сея жестокія бури Людовикъ XVI побужденный бѣдствіями его народу пріуготовляемыми собираетъ свои послѣднія силы, возбуждаетъ своихъ Министровъ отъ ихъ нерѣшимости и послѣднимъ долгомъ своимъ поставляетъ явиться на среду собранія злоупотребляющаго власть и довѣренность своего Государя. Онъ рѣшился принести народу своему въ жертву послѣдніе дары своея благости, всю силу власти Монаршія, дабы чрезъ то отвратить, ежели еще сколько нибудь можно, всѣ бѣдствія угрожавшія любезному его отечеству. Уничтожилъ всякія тайныя повелѣнія, и всякія случайныя внезапныя приказанія, отрекся налагать всякія

подати, а обѣщался довольствоваться тѣми только, какія самый народъ давать ему заблагоразсудитъ; согласился, дабы народное собраніе возобновляемо было время отъ времяни; предалъ суду народа всякую несправедливость Министровъ; отверзъ путь третьему чиностоянію государственному ко всякимъ должностямъ, ко всѣмъ вообще по Государству достоинствамъ, хотя они и никогда не были отъ нихъ осуждены: коротко сказать, онъ совсѣмъ позабылъ самаго себя. А помышлялъ единственно о благоденствіи своихъ подданныхъ.

Толь мудрые и снисходительные поступки не могъ Неккеръ въ тайномъ совѣтѣ опорочить видя, что они клонятся къ существенной пользѣ Монарха: однако же не пошелъ съ сотоварищами своими въ слѣдъ за Королемъ въ народное собраніе. Отсутствіе его подтвердило не удовольствіе его и не согласіе на Королевской поступокъ. Сей самой случай придалъ зломышленникамъ новую бодрость, и жажда ихъ къ правленію Государствомъ учинилась тѣмъ не утолимѣе. Они перестали уже болѣе притворяться: маску свою сложили и возмущеніе сдѣлалось всеобщимъ. Въ тотъ же самый день что было 23 Іюня, всецѣлая Франція приведена была въ движеніе. Безчисленное множество курьеровъ, кои всѣ

отправляемы были изъ одного средоточія, и единою, по видимому, рукою были управляемы, распространили возмущеніе сіе до самыхъ крайнѣйшихъ предѣловъ Государства и вся вообще Францiя мнила себя вооружающеюся противу какихъ нибудь внѣшнихъ непріятелей, хотя всѣ сіи военныя приготовленія направляемы были единственно токмо противу собственнаго своего Государя. Между тѣмъ Король въ послѣдній разъ усиливщись спасти Монархію отставилъ вторично Неккера отъ всѣхъ должностей и чрезъ то на нѣсколько времяни въ самомъ дѣлѣ спасъ Государство.

Послѣ сего явились въ совѣтѣ Королевскомъ двое министровъ заслуживщихъ уваженіе всея Европы то есть *Баронъ Бретейль* и *Герцогъ Вогуйонъ*: однако то сдѣлано уже было поздно. Всѣ пружины государственныя были уже ослаблены и разстроены: Королевская казна уже болѣе не существовала; Бастилія была разрушена до основанія; домъ инвалидовъ оставленъ былъ безъ всякаго наималѣйшаго защищенія; только прошли три дня, и въ теченіи ихъ всецѣлая Францiя приведена къ крайнѣйшей погибели. Министры прежніе старались удаляться отъ правленія и друзья Королевскіе разсѣялись; од-

на только фамилїя *Полиньякъ*, менѣе бывшая извѣстною, нежели она то заслуживала, но извѣстнымъ союзомъ дружбы соединенная съ Королевскимъ домомъ, назначена была зломышленниками содѣлаться жертвою ихъ яростнаго бѣшенства. Герцогъ и Герцогиня не отрицались даже и жизь свою потерять у подножїя трона: однако же сила препобѣдила дружество, и сїи истинные друзья Королевскаго дома наконецъ принуждены были удалиться.

Въ сїе болѣзненное время все принесено было на жертву ярости неистовствующими возмутителями. Между тѣмъ Графъ *Д Артоа*, предостерегаемъ будучи однимъ изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ своихъ служителей, удаляется и уноситъ съ собою въ дальныя страны мечь *Генриха IV*, какъ единственное благо оставшееся ему отъ всего наслѣдства миропомазанныхъ своихъ прародителей. По его стопамъ удалились такъ же изъ Государства и дѣти его, достойные раздѣлять съ родителемъ своимъ его нещастїе и геройство. При разлученїи съ братомъ своимъ Людовикомъ XVI обливался онъ горькими слезами, и обнимался съ нимъ, увы! уже въ послѣднїй разъ. При сихъ обстоятельствахъ дабы не взирать на толь гнусныя преступленїя и на бешенствующую ярость

хищниковъ законной власти удалились такъ же изъ Франціи *Конде*, *Бурбонъ*, и *Енггеймъ* фамиліи, которыхъ имена толико любезны и драгоцѣнны для всея здравомыслящія франціи, и которыя навсегда уважаемы и почитаемы будутъ всецѣлою Европою.

Съ сего времяни буря возмущенія содѣлалась сильнѣе и даже самая Королева стала въ опасности отъ клеветы зломышленниковъ. фамилія *Ламбескъ* намѣревалась было ея изторгнуть изъ опасности ей угрожавшей, хотѣла управлять ея стопами, предохранять отъ всякихъ препятствій и согласилася даже не щадить живота своего для ея защищенія: однако же Королева будучи не сравненно болѣе, нежели сколь велико было бѣдствіе ея угнѣтавшее, возпротивилась оному, не взирая даже и на представленія возлюбленнаго своего супруга, и съ свойственною ей величественностію сказала: *мой долгъ умереть при стопахъ Королевскихъ.*

Оставалось еще единое токмо средство для спасенія погибающей Франціи, то есть изторгнуть изъ Парижа всю Королевскую фамилію и выпроводить Короля въ какой нибудь безопасной и вѣрной городъ на среду сильнаго воинства. Ибо тогда равно какъ и по нынѣ не всѣ еще

города заражены были безумнымъ ядомъ хищниковъ верьховной власти, какъ-то послѣ и дѣйствительно многократно открывалось; не всѣ еще въ то время кичились возмутительнымъ своимъ буйствомъ, не всѣ даже еще и тогда стремились на беззаконное пролитіе невинной крови своихъ соотчичей. Однако же о добродѣтель! о слабость! о роковая погрѣшность! Людовикъ и тогда еще не хотѣлъ уничтожить въ себѣ самомъ всея довѣренности къ своему народу, а паче надѣялся совершенно обезоружить его своею благостію, своими добродѣтелями и отеческою любовію къ своимъ подданнымъ. Его сердце, его очи, его стопы не могли отдалиться отъ столицы своего Государства: онъ всего отъ ея ожидалъ и все для ея собственно потерялъ, сохранивъ токмо любовь и преданность благомыслящихъ своихъ подданныхъ.

Людовикъ XVI отъ сего времяни принужденъ былъ снова подвергнуться игу слабаго и невѣрнаго своего Министра Неккера, которое ему наложили зломышленники Государства; къ сему побудило Монарха упованіе о избавленіи Государства отъ угрожающихъ бедствій. Король препровожденъ былъ въ Парижъ. Дерзновенный градоначальникъ имѣлъ столько без-

стыдства, что бы сказать ему, что онъ его плѣнникъ. Людовикъ укрѣпляяся внутреннимъ чувствованїемъ собственныя своея невинности и чистоты своихъ намѣренїй, а паче твердо уповая на соблюдающее его провидѣнїе безбоязненно шествовалъ посреди многочисленнѣйшей толпы зломышленниковъ подкупленныхъ, пьяныхъ и вооруженныхъ. При семъ случаѣ для доказанїя ему истиннаго подданства согласились сопутствовать съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ и раздѣлить всю опасность Маркизъ *Мельи Денель*, Принцъ *Бово*, и Графъ *Д Естенгъ*. Фузейной выстрелъ учиненной на его карету былъ безполезенъ. Коль велику должно быть духу сего Монарха, что подъ остріемъ сверкающихъ мечей зломышленническихъ и копїй жаждавшихъ его смерти, шествовалъ онъ непокровенною главою, обращая не злобные свои очи на всѣхъ его окружающихъ: единъ ударъ только былъ потребенъ, и Короля не было бы уже болѣе на свѣтѣ: однако единъ токмо онъ въ сїе ужасное время являлся нимало нестрашащимся всѣхъ вознесенныхъ надъ главою его многоразличныхъ родовъ смерти. Онъ пошелъ въ городовую ратушу, въ коей за нѣсколько лѣтъ прежде того со всею высочайшею фамилїею праздновалъ онъ рожденїе Дофина, яко истинный отецъ

посреди своего семейства. Но коль великое различіе узрѣлъ онъ въ семъ самомъ мѣстѣ! коликою болѣзнію поражено было чувствительное его сердце! онъ не узрѣлъ уже тогда прежнихъ своихъ Парижцовъ: вмѣсто прежней радости; соучастія, вѣрности и благоденствія, начертаны были на лицѣ каждаго, лишь только дикое звѣрство, угрозы, внутреннее безпокойство. Онъ съ невѣроятною твердостію перенесъ все сіе ужаса исполненное зрѣлище и покровительствуемъ небомъ возвратился опять въ версалію; но и тамъ принужденъ онъ былъ испытывать новыя мученія.

Между тѣмъ Неккеръ 1789 года Іюля 27 дня возвратившись во францію принялъ опять правленіе, и его возвращеніе учинилось знакомъ ко всеобщему опустошенію Государства, различіе состояній было навсегда уничтожено вѣра стала забвенна и попранна; олтари Господни опровержены, храмы Божіи разрушены или осквернены, имѣніе духовенства и дворянства отнято. Преимущества дворянъ вѣками пріобрѣтенныя и долговремянностію утвержденныя похищены; замки богатыхъ разграблены или превращены въ кучи каменьевъ и пеплу. Отняты отъ Короля

и отъ всѣхъ Принцовъ всѣ владѣнія чрезъ различные союзы и наслѣдства ими приобрѣтенныя. Даже и иностранные владѣтели въ семъ случаѣ не пощажены: потому что не справедливость поступаетъ всегда слѣпо и звѣрски. Княжество *Авиньонъ* было навсегда присоединено къ Франціи, не взирая ни на какія сильнѣйшія и справедливѣйшія возраженія, сдѣланныя противу онаго поступка стариннымъ и неоспоримымъ Авиньона владѣтелемъ Папою; всѣ самые наисвятѣйшіе договоры съ сосѣдями и союзниками были ногами попраны; у Князей Римской имперіи, имѣвшихъ во Франціи владѣнія, похищены, ихъ собственность и святѣйшіе ихъ напто права и такъ далѣе.

Одно преступленіе влекло за собою другое вящее. Опустошенія и разбои возрастали со дня на день; возмущеніе почиталось священнымъ долгомъ; темницы были отворены: преступники стали быть уважаемы и злодѣйства позволенны именемъ отечества; а чрезъ всѣ таковыя попущенія; мученіе несчастнаго Короля, немогшаго взирать на оныя безъ сердечнаго сокрушенія, безпрестанно было продолжаемо и увеличиваемо.

Онъ обращалъ слезами омоченныя свои очи на Францію и по всюду видѣлъ ея

кровїю обагренную, кровїю на водняему и развалинами покрытою. Онъ видѣлъ тысячи невинныхъ жертвъ на мѣсто казни ведомыя и не въ состоянїи былъ изхитить ихъ изъ рукъ злодѣйскихъ: онъ видѣлъ цѣлые города, цѣлые пространные области въ руки не милосердаго палача безъ наималѣйшаго сожалѣнїя предаемыя: видѣлъ и безсиленъ былъ помощи имъ. О! какъ долженствовало быть прискорбно отеческому его сердцу такое варварское зрѣлище! въ коемъ все то, что только казалось не сообразно съ таковымъ страшнымъ безначалїемъ, почиталось за преступленїе; зрѣлище, въ коемъ вѣрные его подданные своевольно ввергаемы были въ темницы и предаваемы слабымъ или подкупленнымъ судїямъ, которые ниже освободить ихъ, ниже приговорить несмѣли; зрѣлище въ коемъ при таковомъ возстанїи всѣхъ возмутительныхъ страстей, едина токмо добродѣтель за преступленїе, а собственность за злоупотребленїе почиталась.

Собственной властелинъ тогдашняго времяни, и ежели только назвать можно Министромъ, Неккеръ чувствовалъ, что сила и довѣренность его въ народѣ начали колебаться и ниспадать. Хищническое народное собранїе давало ему знать,

что не попустить ему вмѣшиваться долѣе въ дѣла до народа касающіяся; и для того взявъ нѣкоторыя онаго опредѣленія подъ видомъ блага общественнаго, предложилъ Королю на оныя такія примѣчанія, которыя только что раздражали народъ еще болѣе вмѣсто того, что нужда настояла употребить всѣ средства, дабы стараться содержать его въ спокойствіи. Министръ будучи сего происшествія единственною виною, не устыдился пожертвовать хищникамъ и своимъ Государемъ, который только подписаніемъ подтвердилъ оныя. По сему поводу двѣ сильнѣйшія тогда въ Парижѣ партіи препроводили въ замокъ Версальской многочисленнѣйшую толпу нечестивцевъ, изъ коихъ одни хотѣли предать смерти Короля: а другіе содѣлать его узникомъ: одни примѣчали поступки другихъ не съ тѣмъ, что бы предупредить злость ихъ и ожесточеніе, но что бы возпользоваться только ихъ оплошностію. Отъ сего и воспослѣдовала оная ночь съ 5 на 6 число Октября 1789 года. О ночь преужаснѣйшая! кто можетъ изчислить всѣ страшныя преступленія, кои ты прикрывала своею темнотою?

Тмочисленная толпа злоумышленниковъ вступила наконецъ въ Версалію. Ко-

роль могъ бы удаленіемъ своимъ уклониться отъ сея страшныя бури, какъ бы то по сущей справедливости слѣдовало, и какъ всякъ изъ преданныхъ благу своего отечества совѣтовалъ ему: но одинъ только человѣкъ присовѣтовалъ ему со всѣмъ другое, со всѣмъ не сообразное съ тогдашними страшными обстоятельствами и етотъ человѣкъ былъ --- Неккеръ. Король внялъ сему самому опаснѣйшему совѣту. Съ меньшимъ мужествомъ и не устрашимостію и не рѣшился бы онъ презрѣть смерть и безбоязненно ея ожидать. Пусть не говорятъ, что онъ предавался такой опасности, которыя ужасныхъ послѣдствій онъ со всѣмъ не зналъ. Всякъ, кто только при немъ тогда находился, можетъ съ совершенною истинною согласно подтвердить, что отъ самаго начала сумозбродства Французскаго непрестанно повсюду обносилъ онъ въ сердцѣ своемъ ту мысль; „что онъ содѣлается „жертвою оной новости,„ по всякой день возвращаяся отъ литургіи изъ церкви и проходя картинныя свои комнаты, всякой разъ останавливался онъ противу портрета несчастнаго Карла I. Устремлялъ онъ быстро взоры свои на сію картину, и тяжко воздыхалъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ предчувствовалъ, что и его

участь сходна будетъ съ участїю онаго злополучнаго Короля.

Между тѣмъ распутнѣйшїя женщины и кровожаждущїе смертоубїйцы въ Парижскихъ рыбачекъ наряженные начали опустошать Версалїю и самый замокъ, да даже угрожали и самому народному собранїю. Воинство за ними послѣдовало: стрѣляли изъ заряженныхъ пушекъ, и съ зажженными факелами устремлялись на содѣланїе всякихъ возможныхъ злодѣянїй. Требовали, что бы противу сея буйственныя злодѣйскїя толпы выступилъ Графъ *Естенгъ*. Ищутъ его и пораженные удивленїемъ взоры нигдѣ не встрѣтаютъ *Естенга*. Мужественный Герцогъ *Гвишь*, презирая смерть, собираетъ часть вѣрныхъ Королевскихъ тѣлохранителей, пробивается сквозь тьмочисленную толпу разбойниковъ разпространяетъ между ими повсюду страхъ и ужасъ и не устрашимою своею расторопностїю доставляетъ опять замку спокойствїе и безопасность, сопутствующїя Ироямъ всякаго времяни. Единъ токмо онъ намѣривается съ поборниками своими очистить Версалїю отъ толпы разбойниковъ. Лафаетъ блѣднѣетъ; злоумышленники отъ страху содрогаются: но Неккеръ смятенной, прерываетъ наконецъ варварское свое предательское мол-

чанїе и единственно съ тѣмъ, дабы отвратить Государя отъ предпрїятаго имъ благаго и спасительнаго намѣренїя. *Гвишъ* намѣривается исторгнуть, для безопасности и спасенїя, изъ чертоговъ, обожаемаго своего Короля и Королеву: но Неккеръ сему воспротивился, умѣвши въ сїе дѣло вмѣшать благо народное. Король уступаетъ предательскому представленїю своего Министра измѣнника, и все перемѣняется: Лафаетъ не задолго предъ симъ искавшїй себѣ милости и пощады, приходитъ чрезъ то въ состоянїе самъ ея раздавать, ручается самъ за все, но съ тѣмъ, чтобъ все погубить безвозвратно.

Мужественные воины, могшїе тогда спасти на всегда Францїю, получаютъ повелѣнїе чтобъ удалиться, и Людовикъ XVI предается въ волю клятвопреступныхъ своихъ враговъ. Обманчивая тишина разпространяется тотчасъ по всему замку: но порокъ и намѣряемое злодѣянїе умѣютъ бодрствовать даже и при непобѣдимой силѣ сна. Разсвѣтъ дня послужитъ знакомъ къ новымъ злодѣянїямъ: убїйцы ворвались въ чертоги Королевины: но Королева убѣгаетъ къ возлюбленному своему супругу, взявъ съ собою Дофина, сїю единственную надежду чадолюбивой матери. Между тѣмъ храбрые тѣлохра-

нители Королевскіе, остановленные по особому нѣкакому приказанію немилосердо умерщвляются злоумышленниками, не дѣлая нималѣйшаго сопротивленія и защищенія. Одинъ падаетъ, другой заступаетъ его мѣсто; даже не достаетъ времяни употребляемаго на закланіе ихъ, третьему, дабы поспѣшить спасти своихъ Самодержцевъ. Кровь лилась рѣками; вопли и стенанія умирающихъ слышимы были отовсюду. Самая природа даже содрогается отъ воспоминанія всѣхъ злодѣйствъ, какія только тогда по всюду совершались.

Королева показывается у окна: тысячи мушкетныхъ выстреловъ устремляются на ея едину. Но о чудо! о удивительное дѣйствіе величія характера обладателей земныхъ! природа въ то время, хотя на едино мгновеніе ока, одержала верьхъ. Самое орудіе падаетъ изъ рукъ убійцъ и тысячекратные гласы раздались въ толпѣ народной: *да здравствуетъ Королева.*

По семъ зломышленники удовольствовавшись на нѣкоторое время, что имѣли случай заключить Короля своего въ Парижѣ, яко нѣкакого узника, съ поспѣшностію постарались о возстановленіи тишины и спокойствія по всему Государству.

На другой день по прибытіи своемъ въ Парижъ Король могъ бы предать достойному наказанію единаго изъ жесточайшихъ своихъ враговъ; однако же сего не сдѣлалъ онъ, и водимъ будучи въ семъ случаѣ равно какъ и во всякое время примѣрнымъ своимъ великодушіемъ, не внялъ внушеніямъ мщенія. Даже самая Королева будучи прошена со стороны правосудія обстоятельно объявить произходившее въ Версаліи, отвѣтствовала съ равномѣрнымъ великодушіемъ ей обыкновеннымъ: *я все знала и все видѣла: но все позабыла.*

Съ сего самаго времяни ни одинъ день не проходилъ безъ новыхъ для Людовика XVI поруганій: почти ежечастно новыми чувствительнѣйшее его сердце было поражаемо отъ зломышленниковъ ранами. Самыя ближайшія его высокія родственницы, коихъ отличныя добродѣтели вѣдая совершенно Людовикъ, любилъ отъ всея души своея, были, не взирая на почтительную ихъ старость, собственными подданными его Августѣйшаго своего племянника, оскорбляемы, осмѣваемы и гонимы безъ всякаго за то наказанія, даже и въ то самое время, когда онѣ уклоняяся подъ неприкосновенный покровъ свя-

тыя церкви, рѣшились искать безмятежное себѣ прибѣжище въ Ватиканѣ.

Въ продолженіи сихъ странныхъ всюду смятеній, Неккеръ удалился. Зломышленники наконецъ свергли съ себя наложенное имъ на нихъ иго съ презрѣніемъ, узрѣвши, что онъ больше имъ не надобенъ: а потому и самаго его на пути сопровождали равномѣрныя поношенія, равномѣрныя бѣдствія, каковыми онъ отяготилъ другихъ. Однако же Король по отъѣздѣ его содѣлался не мѣнѣе прежняго нещастенъ.

Ослабѣвая наконецъ Людовикъ въ надеждѣ, что бы кто другой разрѣшилъ его узы, онъ рѣшился самъ расторгнуть ихъ и удалиться изъ столицы, дабы внезапнымъ отсутствіемъ своимъ обратить ея къ себѣ. Не было его при семъ намѣренія, что бы совершенно оставивъ Францію, возбудить Европу противу мятущихся своихъ подданныхъ: нѣтъ, онъ всегда съ твердостію противился сему предложенію. Какъ онъ, такъ и Королева единодушно отвергали предлагаемое имъ вспомоществованіе; но вмѣсто того еще употреблялъ онъ всѣ возможные способы для удержанія не благоволенія и гнѣва Леопольда и многихъ другихъ Европейскихъ Самодержцевъ противу безумству-

ющихъ своихъ подданныхъ. Всецѣлая Европа можетъ подтвердить сію неоспоримую истинну, да не въ состояніи опровергнуть ея даже и самые кровожаждущіе зломышленники, хотя бы они и весьма хотѣли разспространить о семъ, слухи, правдѣ со всѣмъ противные.*

Онъ искалъ, чтобъ Французы одолжены были собственной своей къ законному своему Государю любви и собственному своему разсудку обращеніемъ на путь истинны. Искалъ, что бы отсудствіемъ своимъ привести подданныхъ своихъ въ чувство, и въ семъ намѣреніи рѣшился онъ удалиться въ городъ *Монтмеди*. Небо на нѣсколько времяни казалось благопріятствующимъ сему предпріятію. Искреннѣйшая преданность къ своему обладателю стеклась бы тотчасъ за нимъ въ его убѣжище, и при умноженіи числа вѣрныхъ подданныхъ, здравый разсудокъ и угрызенія совѣсти довольны были на всегда разрушить водворившееся во Франціи безначаліе. Но порокъ имѣетъ крылія для преслѣдованія добродѣтели: однакожъ онъ при семъ случаѣ упустилъ часть своей добычи. Братъ Королевскій съ супругою своею успѣлъ спастись. Графъ Прованскій *Станиславъ*, который однимъ именемъ своимъ приводилъ на память человѣчеству

Государя сколько любезнаго, столько же и обожаемаго, былъ предохраненъ самимъ небомъ, дабы быть мстителемъ за *нещастнаго* своего брата, примѣромъ и оплотомъ для юнаго Государя, возстановителемъ вѣры, наукъ, художествъ и утѣшителемъ наконецъ Франціи. Напротивъ того Король Королева, Дофинъ, дщерь Королевская и сестра Елисавета были одержаны и взяты подъ крѣпкую стражу въ городѣ *Вареннѣ.* Людовикъ при семъ случаѣ сказалъ единому изъ своихъ подданныхъ; *спасите Короля; спасите Францію*,,. Но къ нещастію Франціи сей человѣкъ, подобясь нѣкакому страшному чудовищу, былъ глухъ ко внушеніямъ природы, чуждъ всякихъ чувствованій добродѣтели, и несостраждущь тѣмъ, надъ главою коихъ тяготѣютъ напасти и бѣдствія. Людовикъ могъ бы сокрушить сію преграду его остановившую; храбрые воины ожидали токмо его повелѣнія, его взора; и мгновенно разсыпали бы толпу злодѣевъ и опровергли бы препятствія; но надобно бы было пуститься на пролитіе крови: а Людовикъ XVI стократно соглашался лучше самъ подвергнуться тысящамъ смертей, нежели подвергнуть опасности жизнь и единаго изъ своихъ подданныхъ.

Королева и сестра Королевская имѣя мысли сходственныя съ Людовиковыми оказали и при семъ случаѣ не мѣнѣе благороднаго довѣрія. Единое ихъ слово, да и собственная ихъ должность, какъ кажется, того требовала, довлѣло бы ко спасенію своего единокровнаго Государя. Знаменитѣйшія сіи особы возвращаются опять въ Парижъ безъ всякаго сопротивленія. Толпа исполнителей насильственно похищенной власти сопровождая ихъ, на пути безпрестанно причиняла имъ обиды и поношенія, коихъ даже описать не можно. Королевская фамилія преходитъ отъ поруганія къ новымъ поруганіямъ, отъ бѣдствія къ новымъ бѣдствіямъ, отъ ужаса къ новымъ ужасамъ. Страхъ и ужасъ повсюду ея сопровождаютъ; а зломышленники окружая карету Августѣйшихъ особъ, не спускаютъ съ нихъ звѣрообразныхъ и кровожаждущихъ глазъ своихъ. Путь сей былъ особенно продолжителенъ и мучителенъ, а окончаніе его ужасно. Смертная тишина, звѣрскость, изображавшаяся на лицахъ стрегущихъ, угрозы показываемыя только знаками, оковы вѣрныхъ Королевскихъ подданныхъ обременяющіе, и построенные для нихъ нарочно возвышенныя мѣста казни: вотъ что узрѣлъ Людовикъ по достиженіи своемъ во

дворецъ Тюллерійскій! Потомъ похитили отъ его Монаршую власть, предали его суду и приговорили, дабы онъ подписалъ звѣрообразное злоумышленниковъ новое установленіе. Людовикъ тотчасъ его подписалъ, дабы тѣмъ спасти собственную свою жизнь, любезнѣйшую своею фамилію, друзей своихъ и всѣхъ вѣрныхъ Французовъ, кои всѣ безъ сомнѣнія погибли бы, когда бы онъ нѣсколько помедлилъ. Онъ подписалъ; десница его въ томъ дѣйствовала по принужденію, и засвидѣтельствованіе его, и возраженія, кои онъ при семъ случаѣ здѣлалъ, были за ничто почтены. Клятва данная имъ при семъ случаѣ содѣлываетъ виновными тѣхъ, кои ея вынудили. Однако же не давая сего знать, поступилъ онъ во всемъ, какъ будто бы обязанность его была самопроизвольная: онъ подвергнулъ себя: онъ подвергнулъ себя, съ свойственнымъ ему постоянствомъ оному новому противозаконному постановленію, какъ будто бы подтвердилъ онъ его изъ собственной своей воли. Онъ не могъ въ сердцѣ своемъ его одобрить, но только чрезъ то хотѣлъ, какъ самъ онъ о семъ часто говаривалъ: *дабы предоставить времяни, исправить недостатки и погрѣшности онаго законоположенія*, какъ и самъ онъ за свидѣтель-

ствовалъ отъ 18 Сентября 1791 года въ письмѣ своемъ къ народному собранію.

Доброта души, толикое терпѣніе, толикое снисхожденіе долженствовали бы неминуемо обезоружить навсегда злоумышленниковъ: однако же при всемъ томъ ненависть ихъ еще тѣмъ болѣе со дня на день увеличивалась и мученіе Людовиково становилось чрезъ то токмо продолжительнѣе.

28 Февраля 1791 года ворвалась въ Королевскіе покои толпа дикихъ и упившихся мятежниковъ, насмѣхались и явно ругалась самому Людовику въ присутствіи Лафаета, и поступала звѣрски съ вѣрными Королевскими служителями. Вскорѣ потомъ обласкали его надеждою, что онъ можетъ на нѣсколько времяни отъѣхать внѣ Парижа, возпользоваться свѣжимъ воздухомъ: однако же и при семъ случаѣ сопровождали его по улицамъ едиными осмѣяніями и поруганіями, не взирая ни на какое законоположеніе, ниже на законы, такъ что наконецъ принудили его уклониться скорѣе отъ преступническихъ глазъ.

20 Іюня 1791 года зломышленники намѣревались повергнуть Францію въ то ужаснѣйшее преступленіе, которое вскорѣ потомъ совершилось къ вѣчному ея по-

срамленію. Для исполненія сего предпріятія или получали они приказаніе отъ сильнѣйшей партіи искавшей прекратить жизнь Королевскую, или находили въ томъ варварское свое удовольствіе. Толпа злодѣйская окруживъ дворецъ Тюллерійскій, разломали внешнія рѣшетки, и съ превеликимъ стремленіемъ, услышали раздающійся особливой голосъ. Король самъ повелѣваетъ отворить имъ двери. Святилище Величества Королевскаго на нѣсколько времяни было съ начала уважено; но кажется съ тѣмъ, дабы въ скорѣ после того попрать его и осквернить. Хищники мгновенно наполняютъ своимъ множествомъ всѣ чертоги, говорятъ только о убійствѣ, о кровопролитіи и о закланіяхъ, а чрезъ то надѣялись устрашить своего Государя, и принудили его наконецъ на коронованную главу свою надѣть поносную шапку своеволія, безначалія и насильствъ.

Но Король при семъ случаѣ взялъ руку одного гранодера, приложилъ ея къ своей груди и далъ ему чрезъ то почувствовать, что,, *сердце честнаго и праводушнаго человѣка безбоязненно и спокойно даже и посреди звѣрообразныхъ убійцъ*,,. Сестра Королевская Елисавета, сей ангелъ утѣшитель Королевской фамиліи, поверг-

лась предъ Королемъ для его защищенія и дабы ей самой принять первые удары, какъ только злодѣи посягнутъ на жизнь Королевскую. Изверги человѣчества, почетши ея Королевою, совѣтовали ей удалиться: но она сказала имъ въ отвѣтъ: „*Оставте меня. Остонътесь при своемъ „заблужденіи: я готова умереть и за Ко„роля и Королеву.* Таковое благородное чувствованіе, изъ устъ ея тогда изшедшее, единъ Богъ вдохнулъ, а по сему онъ единъ токмо и вознаградить его можетъ.

Тягостно для всякаго вообще дѣеписателя описывать мученія благаго Государя: но несравненно тягостнѣе для него самаго было сносить ихъ. Скорбь слѣдовала за скорбію, одно мученіе сопровождалось другимъ вящимъ новымъ, доколѣ наконецъ не наступилъ оной злополучной день, 10 Августа, который на всегда содѣлался источникомъ вѣчнаго посрамленія Франціи, а для всѣхъ чувствительныхъ сердецъ причиною къ вѣчному соболѣзнованію. Людовикъ за благовремянно былъ предувѣдомленъ, что 10 числа Августа назначено для произведенія надъ нимъ самыхъ ужаснѣйшихъ злодѣяній. Вѣрнѣйшіе его служители, равно какъ и нѣсколькіе самые преданнѣйшіе своему Государю и неустрашимѣйшіе батальоны изъ народной

гвардіи готовились раздѣлять съ добродѣтельнѣйшимъ своимъ Государемъ всякую встрѣчающуюся опасность, швейцары тѣлохранительную стражу при Людовикѣ составлявшіе, не утомимо шествующіе по примѣрнымъ стезямъ благородныхъ своихъ предковъ, клялись защищать Короля до послѣдней капли крови. Король не имѣлъ нужды возбуждать еще болѣе ихъ рвѣніе: но на противъ желалъ отъ нихъ и даже повѣлевалъ, дабы они удерживались въ предѣлахъ законнаго защищенія, дабы они наистрожайшимъ образомъ избѣгали даже и самомалѣйшихъ видовъ начинанія ссоры стараясь сколько возможно, не совращаться съ пути благоразумія, кротости и разумныхъ представленій и дозволилъ имъ только въ самой крайнѣйшей нуждѣ отражать силу силою.

Толпа злодѣйская въ самомъ дѣлѣ приступила къ дворцу, съ угрозами и вмѣсто того, что бы устрашить Короля, сама пришла въ великой трепетъ. Мятежники отступили назадъ въ тоже самое время, чѣмъ и весь заговоръ неминуемо бы окончился, ежели бы Король не внялъ измѣнническому совѣту, ему присовѣтовали возъимѣть прибѣжище въ народное собраніе, сіе онъ дѣйствительно исполнилъ: вся любезнѣйшая его фамилія его

въ семъ шествіи сопровождала, онъ мнилъ предаться покровительству законовъ; но вмѣсто того предалъ самъ себя безчеловѣчнымъ своимъ мучителямъ. Вѣрнѣйшіе его служители не успѣшно оплакивая злощастную его судьбу разошлися. Между тѣмъ хищническая толпа не опасаяся ни малѣйшаго наказанія возобновила снова ко дворцу свое нападеніе. Они наполнили весь Тюллерійской замокъ своимъ множествомъ, умерщвляли всѣхъ, кто только на пути имъ попадался, самымъ безчеловѣчнѣйшимъ и лютѣйшимъ образомъ, закалали безъ наималѣйшаго сожалѣнія и пощады швейцаровъ, кои не имѣя никакого повелѣнія даже и не защищались, разграбили и опустошили совершенно весь Тюллерійской дворецъ, одинъ изъ лучшихъ во всей Европѣ, и наконецъ не удовольствуясь и сими злодѣяніями клятвою утвердились дабы звѣрской ярости своей принести на жертву наилучшаго своего Государя.

Въ продолженіи сего преужаснѣйшаго явленія колебался весь воздухъ отъ звуку набатовъ, грому пушекъ, вопля стенающихъ, нещастныхъ жертвъ умирающихъ, и отъ рыканія и вою изверговъ и чудовищъ человѣчества. Все сіе раздирало душу и сердце Королевской фамиліи:

но ни что не можетъ равняться съ мученіемъ, которое Людовикъ претерпѣлъ во время тридневнаго узничества своего въ залѣ хищническаго а не народнаго собранія. Наконецъ влекутъ его, Королеву и всю Королевскую фамилію въ темницу Тамиль. Двое вѣрнѣйшихъ служителей *Шоазель* и *Брижъ* презирая всѣ опасности, оставались до толѣ при стопахъ своего Государя: но и съ тѣми онъ наконецъ принужденъ былъ разлучиться. Разставаться съ друзьями, коихъ никогда уже не можно было увидѣть значитъ тоже, что итти противу смерти. Людовикъ съ неутѣшнымъ плачемъ обнимаетъ ихъ въ послѣдній разъ, и обращая мысленно очи свои на портретъ Карла I висѣвшій нѣкогда на стенѣ во внутреннихъ его покояхъ со изъявленіемъ наижесточайшія душевныя скорьби сказалъ: „*Карлъ I, былъ меня „щастливѣе: онъ имѣлъ по крайнѣй мѣрѣ „удовольствіе видѣть друзей своихъ до са„мыя своея кончины.*„

Дабы содѣлать жестокую скорбь Людовика еще болѣе нестерпимѣйшею, то повели его по развалинамъ и обломкамъ изваянія Людовика XVI какъ будто бы самая справедливость требовала, чтобъ памятники величія и славы Франціи были сокрушены во дни ея сраму и безславія. Зло-

желанія самыя безчеловѣчныя и ругательства самыя безстыднѣйшія, о каковыхъ и воспоминать даже стыдится истинно человѣчество, сопровождали сихъ злополучныхъ высокихъ особъ до самыхъ вратъ узилища ихъ Тамиля. Двери отворяются: Король со всѣю своею фамиліею входитъ въ нутръ сея темницы. О! кто бы изъ всѣхъ честныхъ праводушныхъ и сострадательныхъ обладателей вселенныя не пожелалъ за ними послѣдовать въ сію темницу, стараться облегчать ихъ скорьби, и съ ними вмѣстѣ противоборствовать смерти.

Дверь затворяютъ; страшный звукъ звенящихъ желѣзныхъ запоровъ раздающійся отъ того по пустотѣ темницы поражаетъ до самыя глубины сердца сихъ знаменитѣйшихъ узниковъ. Родитель, супруга, сестра и дѣти объемлютъ другъ друга, лобызаютъ и не хотятъ одинъ другаго оставить, какъ бы опасаясь разлучиться. Толь трогательное зрѣлище поражаетъ даже безчувственныя сердца немилосердыхъ стражей темничныхъ и самыхъ жесточайшихъ мучителей. Такъ, сіи Августѣйшіе узники лишены престола но сахранили все собственное имъ величіе.

Граждане пресловутаго Парижа! какъ! вы налагаете оковы на отца вашего оте-

чества, на достойнаго потомка Св. Людовика и Генриха IV, на вашего Самодержца и на вашего обожаемаго Государя? Вы заключаете во узы того, наилучшаго Монарха, который единственно на вашу вѣрность, на вашу къ нему любовь полагается, который ни чѣмъ не могъ быть побужденъ къ удаленїю отъ васъ не чувственныхъ и не благодарныхъ, который съ нѣжною любовїю обносилъ всѣхъ васъ повсюду въ своемъ сердце, и который жилъ единственно для вашего благополучїя? Не старался ли онъ съ не усыпнымъ рвенїемъ о вашемъ благѣ, о вашихъ выгодахъ? Не онъ ли очистилъ ваши темницы, до его времяни отравленнымъ своимъ воздухомъ для всякаго бывшїя смертоносными? Не украсилъ ли онъ вашихъ жилищъ и градовъ? Не онъ ли ободрилъ у васъ науки и художества, фабрики и мануфактуры? Не онъ ли питалъ, одѣвалъ и покоилъ вашихъ бѣдныхъ и немощныхъ? Устроенныя имъ по стогнамъ обширнаго вашего града четыре больницы, не довольно ли доказываютъ, что онъ любилъ человѣчество, что онъ самъ, сострадалъ и совоздыхалъ злощастнымъ и страждущимъ? Не онъ ли возвратилъ опять вамъ ваши парламенты и другїя судилища древностїю своею освященныя и мно-

голѣтнымъ существованіемъ утвержденныя? Не довольно ли ясно доказалъ онъ вамъ чрезъ оное событіе, что онъ всегда желалъ облать вами не по собственному своему благоразсужденію, но по точному гласу отечественныхъ законовъ? и проч.

Не было ли вамъ извѣстно, что Людовикъ въ 1788 году, въ самое жесточайшее холодное время, собственною своею особою, посѣщалъ хижины бѣдныхъ, и что его благодѣянія повсюду приносили сострадательное утѣшеніе, возвратившее жизнь тысящамъ нещастныхъ? Не ужели вы забыли, что онъ и Августѣйшая его супруга, во время самыхъ лютыхъ морозовъ не знали ни какихъ предѣловъ своимъ щедротамъ, что они оба съ сердечнымъ удовольствіемъ были начальниками благороднаго общества, соединившагося для раздѣленія щедротъ своихъ всякимъ нещастнымъ матерямъ при случающихся внезапныхъ и злополучныхъ родахъ? Какой Король, какая Королева больше ихъ имѣли права на вашу любовь и благодарность? Какую несправедливость вы отъ нихъ видѣли? Какихъ еще благотвореній они вамъ не оказали? Чего вы отъ нихъ желаете? Какую прибыль получаете вы похищая наслѣдственный ихъ престолъ?

Науки и художества изъ вашего отечества изгнаны, торговля ваша рушилась; богатства ваши суть только обманчивая монета развѣваемая подобно праху предъ лицемъ вѣтра: служители ваши на васъ клевещутъ; друзья вамъ измѣняютъ дѣти ваши попираютъ; вашу родительскую власть, и вамъ не покоряются; сосѣди васъ презираютъ; всецѣлая вселенная мерзитъ вами: мѣсто веселости, откровенности и добродѣтелей вашихъ заступили подозрѣнія, ложные доносы, смертоубійства не винныя кровопролитія, пороки всякаго рода,

Вы твердите о вольности, но темницы ваши преисполнены несчастными жертвами бѣснующейся вашея ярости; вы прославляете не зависимость; но произски и подозрѣнія каждое мгновеніе ока содержатъ жизнь вашу въ опасности. Пришельцы оставили грады ваши; по тому что васъ боятся и презираютъ, да и по справедливости: поелику вы содѣлались поношеніемъ всея вселенныя и посрамленіемъ самыя природы.

Какими очами взираете вы на своего Государя, въ мрачную не здоровую и зараженную темницу поверженнаго, которой очищая воздухъ въ вашихъ темницахъ всегда старался облегчить и содѣлать

сноснѣйшего участь нещастныхъ въ оныя ввергаемыхъ? Какъ вы допустили быть лишенну всѣхъ выгодъ житейскихъ тому, которой ущедрилъ васъ своими благотвореніями, которой доставилъ вамъ благоденствіе и обиліе, которой отъ васъ прежде до небесъ хвалами былъ превозносимъ доставивши свободу Америкѣ и вамъ н водахъ морскихъ? Не ужели отверзшій Бастилію вашу и другія темницы долженствуетъ самъ изтаевать въ темницѣ отъ гладу и жажды? Не ужели возвратившій вамъ древнія любезныя ваши судилища должень осуждень быть на заключеніе безъ всякаго приговору и противу всей справедливости законовъ?

Но какіе вопли раздаются по внутренности темницы и раздираютъ до глубины чувствительное сердце Людовиково? Возможно ли еще умножить его мученія? Не ужели мѣра его страданій еще не была исполнена? Между тѣмъ возстаетъ страшный шумъ и дикіе вопли приводятъ въ содроганіе самую природу. Влекутъ Короля, Королеву и всю Августѣйшую фамилію къ темничному окну, яко бы на мѣсто казни и принуждаютъ ихъ воззрѣть изъ онаго на окресности. Но что встрѣчается съ ихъ взоромъ? О страшный предмѣтъ! О неслыханное звѣрообра-

тое варварство! они усматриваютъ отсѣченную главу дѣвицы Ламбалы. Силы ихъ оставляютъ и они упадаютъ всѣ за мертво на полъ: однако же вскорѣ возвращаютъ ихъ къ жизни, но только для того, дабы продливъ и увеличивъ ихъ мученія вторично ея похитить. Имъ возвѣщаютъ что цѣлыя тысящи нещастныхъ жертвъ съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ закланы въ темницахъ, что болѣе 300 Епископовъ и священниковъ побиты безъ пощады, хотя и не обрѣли въ нихъ никакой другой вины, кромѣ того, что они Королю своему, отечеству, и святой вѣрѣ пребыли до послѣдняго своего издыханія вѣрны, и что сіи злополучныя, и невинныя жертвы скончали животъ свой мученически, не произнося нималѣйшаго роптанія, и не преставая умолять всевышняго за себя самихъ и за убивающихъ ихъ враговъ.

Имъ такъ же возвѣщаютъ, что нѣсколькіе узники избѣжавшіе варварства новыхъ законопреступныхъ постановленій; не избѣжали наконецъ варварства подкупленныхъ кровожаждущихъ убійцъ; что Епископъ *Мендскій*, что *Мальвоасинъ* и что *Герцогъ Бризакъ* --- при семъ извѣстіи Августѣйшіе плѣнники новыя ощутили въ сердцѣ своемъ скорьби, новое испытали мученіе. --- О святѣйшая благодѣй-

ствующая вѣра! сниди долу съ высоты небесе! пріиди утѣшить сихъ величественныхъ и нещастныхъ узниковъ! ты едина можешь укротити сердечную ихъ скорбь: ты едина можешь содѣлати сноснѣйшими страданія ихъ жизни.

Между тѣмъ началось третіе народное собраніе, оно возмнило, что Королевское достоинство уже уничтожено и по тому нетерпѣливымъ сгарало желаніемъ произвести свой законопреступный судъ надъ своимъ Государемъ. Злодеи! по какому праву дерзаете вы содѣлаться судіями помазанника Божія? Но вы не внемлете ни гласу справедливости ниже воплю, человѣчества. Сіи варвары съ зверствомъ исторгаютъ Королеву изъ объятій возлюбленнаго ея супруга. Судьбами предназначено было еще свидѣться симъ нѣжнымъ супругамъ, но неужели съ тѣмъ дабы на вѣкъ быть разлученными? Какая не справедливость! коликое посрамленіе! Ахъ! да покроется не проницаемою завѣсою вѣчнаго молчанія все то жестокое варварство, каковымъ во всякое мгновеніе ока обременяли несчастную Королевскую фамилію. --- Не наступилъ еще тотъ день, въ которой оному страшному явленію открыться надлежало; однако же тотъ день, въ которой величайшему изъ всѣхъ

злодѣяній совершиться слѣдовало, по несчастію былъ уже весьма близко.

Людовикъ XVI приведенъ былъ предъ судилище неправедное и Цареубійственное. Съ нимъ поступали яко съ преступникомъ, яко съ злодѣемъ. Безъ всякаго выслушанія оправданій его, не разобравъ нимало существа дѣла, былъ онъ уже и такъ много наказываемъ. Какое явное беззаконіе! коликое безславіе! для чего не протестовалъ онъ, не возразилъ онъ, подобно карлу I, противу нарушенія законовъ, противу неслыханнаго бесшыдства того судилища, котораго неправедные судіи самопроизвольно содѣлались его судіями? Сіе могъ онъ, сіе долженствовалъ онъ сдѣлать. Но исполненъ будучи твердаго надѣянія на невинность своего дѣла, на чистую и незазорную свою совѣсть, на вѣрность и справедливость своихъ подданныхъ, не усумнился онъ предаться на судъ ихъ. Онъ несомнѣнно вѣрилъ, что не имѣетъ причины бояться неправосудія и несправедливости судей своихъ; а потому и на мысль ему не приходило, чтобъ безпристрастными воззрѣть очами на производденіе дѣла, усмотрѣть не праведные подлоги и обманы ему въ вину вмѣняемые, и наконецъ учинить протестъ и возраженіе противу подкупленнаго зло-

мышленниками злодѣйскаго сего сулилища.

Несчастному сему Монарху предложили обвиненія противу его учиненныя. Единымъ только словомъ могъ и долженствовалъ онъ противу всего того отвѣтствовать: что *Особа Королевская не прикосновенна* Все то, что только онъ сдѣлалъ, сказалъ или написалъ, нося еще порфиру и вѣнецъ, по силѣ новыхъ постановленій, не могло быть ему вмѣняемо, по похищеніи отъ него Королевскаго достоинства, какъ частному человѣку. Единое токмо преступленіе, въ очахъ злодѣевъ, подозрительнымъ его явльшее, было взводимый на нею заговоръ противу Государства. Но Людовикъ XVI весьма далекъ былъ отъ того, что бы ему даже и подумать когдалибо о толь поносномъ дѣлѣ, или бы благопріятствовать такому злодѣянію но и въ семъ никогда не существовавшемъ обстоятельствѣ единственнымъ для него долженствовало быть наказаніемъ лишеніе престола; однако же Король, по разуму судей его, былъ уже лишенъ его: слѣдовательно или не было во вся никакого преступленія заслуживавшаго судъ и наказаніе, или оно уже было наказано. И потому не долженствовалъ онъ подлежать вторичному нака-

занію. Съ другой стороны, какъ частному человѣку, могли ли быть ему вмѣняемы какія либо дѣянія по похищеніи его престола имъ содѣянныя; ибо съ самаго онаго времяни содержась въ темницѣ, во узахъ, лишенъ онъ былъ даже всѣхъ способовъ затѣвать что либо противу Государства.

Сверьхъ того всѣ доносы и обвиненія были не вѣроятны и противурѣчущи; всѣ они относились къ такимъ происшествіямъ, кои содѣланы во время его Королевскаго достоинства, въ чемъ по силѣ новыхъ постановленій долженствовали отвѣтствовать Министры, а не Король. Надобно къ сему прибавить, что одно и тоже судилище было и истцомъ и судіею въ семъ безпримѣрномъ дѣлѣ.

Надобно замѣтить, что оное судилище, принявшее себѣ самопроизвольно наименованіе законодательнаго собранія, не могло и не долженствовало по сему дѣлу никакого учинить приговора, яко законодательная власть: по тому что законодатель издаетъ свои законы только на предъбудущія, а не настоящія дѣянія, по гласу и самому существу оныхъ узаконеній, кои не могъ нимало касаться ни прошедшихъ, ниже настоящихъ пр ступленій. Какъ можно обвинять преступника въ та-

ковомъ преступленіи, о какомъ въ законахъ не упомянуто, ниже означено наказаніе, которому подлежитъ преступившей. Да и сходно ли съ разумомъ, и съ обыкновеніями людскихъ обществъ, дабы судить кого бы-то ни было по закону, которой еще до того времяни не существовалъ? законодательное оное собраніе не могло и не долженствовало никого, къ какому бы-то ни было наказанію приговаривать; по елику новыя Французовъ законоположенія, рузумъ и самое существо дѣла имянно при наказаніи за злоупотребленіе власти запрещали соединять подъ какимъ бы-то видомъ и въ какомъ бы случаѣ ни было во едино законодательную и исполненную или судѣйскую власть. Слѣдовательно убійственный судъ и приговоръ надъ Людовикомъ XVI, учиненъ противу всякаго закона, и наибольшая часть членовъ онаго собранія, яко истинные убійцы, противу Государя своего остервенѣны были. „*Мы теперь находимся въ возмутительномъ состояніи*, сказалъ Робертсперръ, *и такъ должны мы судъ сей сдѣлать законнымъ. Король не премѣнно умереть долженъ, ежели мы имѣемъ на то право; а ежели сего не воспослѣдуетъ и Король объявленъ будетъ не виннымъ; то мы поступаемъ беззаконно.* Постыднѣй-

шее изреченїе, и только изъ устъ Царе-убїйцы сказано быть могущее! и такъ изъ сего очевидно явствуетъ, что единственно съ тѣмъ намѣренїемъ и начали производить судъ надъ несчастнымъ Людовикомъ, чтобъ, подъ какимъ бы-то ни было предлогомъ, предать его поносной смерти.

Когда Людовикъ XVI былъ слушаемъ; то съ первыхъ самихъ словъ постыдилъ онъ клевету враговъ своихъ величественною простотою, не преоборимою истинною, и невинности его свойственною ясностїю своихъ отвѣтовъ. Въ то время для защищенїя его предсталъ и *Малсгербъ* издавно удостоенный Королевской довѣренности, еще во время отправленїя имъ Министерской должности, а потому и пребывшїй во всю свою жизнь вѣрнѣйшимъ Королевскимъ другомъ. При томъ *Троншетъ* и *Дедецъ* долгомъ своимъ почли предъ законопреступными судїями защищать своего Государя и самыми наисильнѣйшимй и яснѣйшими доводами, свидѣтельствами, и очевидными дѣянїями доказывать невинность Людовика XVI. Однако вся не преоборимость доводовъ, весь разумъ, вся сила, не оспоримость и ясность словъ ихъ и чистѣйшая невинность Людовика въ тоже мгновенїе ока изчезали въ ушахъ ока

менѣлаго и остервѣнѣлаго судилища: защищательная рѣчь въ оправданіе Людовика произнесенная, была злодѣями въ тотъ же часъ забыта, осмѣяна и поругана. Доносы и обвиненія противу Короля прежде учиненныя и съ совершенною непреоборимостію его защитниками отраженныя, возобновлены снова. Новыя оклеветанія снова изострили остріе свое для уязвленія помазанника Господня и кровожаждущая страсть, новыми средствами оживотворили кровожаждущее оное судилище.

Хотя самое сіе, само себѣ противуречущее сидилище, сгарая кровожаждущимъ стремленіемъ къ погубленію Королевскому, собралось единственно для того, дабы учиненныя прежними народными собраніями законоположенія истребить и уничтожить; однако же не преминуло оно вмѣнять Королю въ страшную вину, что онъ не наблюдалъ во всей точности законоположеній, ими же самими осмѣваемыхъ и презираемыхъ. Укоряло оныя постановленія, что они не справедливы и тираннически, а Людовику XVI попрекало, что онъ тираннъ, по елику не возлюбилъ оныхъ постановленій. Какое явное и беззаконное противорѣчіе! употребить законоположенія своихъ предшественниковъ для обвиненія и совершеннаго погубленія Королевскаго и

отрицать ихъ же самихъ, когда они сколько нибудь могутъ служить къ оправданію невиннаго онаго Государя. Не доставало еще доказательствъ для его обвиненія; для того злодѣи и указили истинныя письма и переписки, сдѣлали изъ нихъ совершенно новыя, и увѣрили, что найдены они во дворцѣ Тюллерійскомъ, хотя и болѣе четырехъ мѣсяцовъ прошло уже по совершенномъ онаго великолѣпнаго зданія разрушеніи и срытіи.

Защитники Королевскіе требовали трехъ только дней, для разсмотрѣнія оныхъ переправленныхъ, перепорченныхъ и со всѣмъ подмѣненныхъ бумагъ, въ обвиненіе Людовика представляемыхъ: однако же сіе хотя и весьма справедливое требованіе было отринуто съ презрѣніемъ, и отсрочка сія оставлена втуне безъ всякаго вниманія. Судилище безмѣрно жаждущее крови и крови невиннаго Короля, пришло въ трепетъ отъ справедливаго сего требованія, опасаясь яснаго свѣта здраваго разума и блестящихъ лучей святыя истинны. Въ то же самое время поборникъ истинны и не винности Королевской славный *Бертрандъ* присылаетъ изъ Лондона самыя ясныя и не преоборимыя свидѣтельства о невинности Людовика: но Министръ правосудія Французскаго не ус-

шыдился посрамить отправляемую имъ должность столько, что онъ передалъ ихъ за нѣкоторую цѣну лютымъ убійцамъ, и чрезъ то утаивъ оныя, хотѣлъ навѣки, хотя и тщетно, уничтожить оныя неоспоримыя свидѣтельства, оныя доказательства истинны, оные памятники добродѣтелей и невинности Государя своего, коего страшныя мученія и смерть вѣчно будетъ угрызать злодѣйскую сего Министра совѣсть.

Посреди таковыхъ стекшихся обстоятельствъ вдругъ въ злодѣйскомъономъ собраніи раздается нѣкоторой голосъ уединенный, но весьма разительный. Великодушіе Испанскаго характера не сравненно величественнѣе и болѣе, нежели надменность сего народа. Король Испанскій *Карлъ III* одушевляемый отличнѣйшими чувствіями преклонилъ ухо свое, ко внушеніямъ выгодъ для обоихъ сосѣдственныхъ Государствъ оныхъ, ко гласу единокровія и самой природы; онъ позабываетъ на то время права своего достоинства Королевскаго, употребляетъ всѣ свои усилія единственно на то, къ чему величіе души его и потревоженное его сострадание его влекли, такъ что слѣдовалъ онъ въ семъ важномъ дѣлѣ единственно внушеніямъ чувствительнаго своего сердца.

Онъ вознамѣрился изыскивать и употребить всякія средства для спасенія Людовика, дабы только ни чѣмъ себѣ упрекать не могъ: не усумнился употребить вообще все то, что хотя нѣсколько и оскорбительно было для его Величества, дабы чрезъ то всѣ силы, всѣ возможныя средства употребить для спасенія своего возлюбленнаго друга, для избавленія своего близкаго сродственника, Монарха могущественнаго. Онъ поступилъ въ семъ дѣлѣ столь далеко, что униженно даже просилъ мучителей Людовиковыхъ о сохраненіи драгоцѣнныя его жизни. Онъ обѣщалъ имъ при томъ оставить навсегда справедливый гнѣвъ свой, ежели только они преклонятся на его прозьбы, и умолялъ, дабы неслыханнымъ до толѣ злодѣяніемъ не впали они въ преступленіе постыдное для Французскаго народа, безчестное вообще для всего человѣчества. Но все таковое великодушіе величественнаго Монарха, всѣ таковыя попеченія и усилія великія души его были съ гордостію и презрѣніемъ отринуты, и добродѣтель защищаемая добродѣтелію содѣлалась въ очахъ заклявшихся злодѣевъ тѣмъ болѣе достойною смертной казни.

День приговора былъ назначенъ. Законопреступные судіи явились на своихъ

мѣстахъ. Всякъ згаралъ кровопійствомъ, буйствомъ и мщеніемъ: допросы и изслѣдованія были окончаны; собрали голоса судейскія; но сверьхъ того еще съ особливымъ вѣроломствомъ и злостію предложены не обыкновенные слѣдующіе вопросы.

Виновенъ ли Король? Такъ, виновенъ отвѣтствовала большая часть людей, да даже и тѣ, кои приспособляясь къ обстоятельствамъ, намѣревались чрезъ то избѣжать послѣ угнѣтеній и даже самыя смерти отъ усилившейся Цареубійственной стороны.

Можетъ ли онъ отнестись въ семъ дѣлѣ къ народу? Нѣтъ, отвѣтствовало нѣкоторое количество голосовъ, кои страшились справедливости и правосудія народа и кои при семъ случаѣ, такъ какъ и вообще всегда, кичились похищенною законопреступно и себѣ неправедно присвоенною верьховною властію.

Какомуже наказанію Король повиненъ? Смерти, раздался между нѣсколькими голосами особливо одинъ, которой однако всѣмъ былъ извѣстенъ. Но чей-то былъ голосъ? О Боже! не обманулся ли слухъ? Правильно ли услышанъ оной голосъ? Не другой ли чей нибудь? Нѣтъ: то былъ голосъ одного изъ потомковъ Генриха IV: голосъ того Принца, которой являлъ себя другомъ Графу Д. Артоа, да и само-

му Королю; Голосъ такого Принца, которой оказывалъ себя благодѣйствующимъ для несчастныхъ, сostраждущимъ, для страждущихъ, вспомоществующимъ человѣчеству: то былъ голосъ — *Герцога Орлеанскаго.* Но въ то время вѣроломные законопреступники и злодѣи столько развратили и самыя основанія добраго его сердца, что онъ уже не походилъ самъ на себя, не походилъ уже на прежняго Герцога Орлеанскаго, сострадательнаго, милостиваго, щедраго, праводушнаго, благаго Герцога Орлеанскаго. Злодѣи Королевскіе умѣли возпламенить въ сердцѣ его и разумѣ зависть, злобу и мщеніе, успѣли содѣлать основанія души его злобными и законопреступными, провождая его съ перва къ скотообразнымъ страстямъ, отъ страстей къ погрѣшностямъ, отъ погрѣшностей къ преступленіямъ, и отъ преступленій къ злодѣяніямъ. Злодѣи Королевскіе его обманули низвели его въ бездну преступленій и побудили къ такимъ поступкамъ, кои онъ не навидѣлъ и презиралъ прежде, не долго онъ пребылъ Герцогомъ Орлеанскимъ: нѣтъ; онъ принадлѣжалъ тогда уже къ примѣрнымъ врагамъ Королевскимъ.

И такъ не ясно ли теперь видѣть можно, что справедливо его подозрѣвали,

яко начальника страшныхъ дѣяній въ ночи на 6 е Октября произшедшихъ? Не совершено ли теперь достовѣрно, что онъ былъ побудитель, всѣхъ безпорядковъ, безпокойствій и смятеній, кои повергли Францію въ бездну пагубы, и навлекли за собою не возвратное паденіе онаго Герцога? заслуживаетъ ли таковый зломышленникъ какое состраданіе и защиту? Не по самой ли справедливости достоинъ названій Цареубійцы, преступника и злодѣя?

Справедливый гнѣвъ и негодованіе не знаетъ никакого сожалѣнія; по тому что Герцогъ Орлеанскій самъ не почувствовалъ никакого состраданія. Всякое человѣческое добродѣтельное чуствованіе изъ его сердца было изгнано съ презрѣніемъ. Что нужды до того, что провидѣніе во гнѣвѣ своемъ, для ужаса и наказанія земнородныхъ, удостоило его произойти въ свѣтъ съ правами наслѣдованія Французкаго престола? Кто предаетъ не винно смерти своего сродственника, своего законнаго Короля, своего милостиваго и человѣколюбиваго Государя, тотъ не можетъ произходить отъ одной съ нимъ крови. Кровь Бурбонская не могла поступать таки̃мъ образомъ. По сему Герцогъ Орлеанскій низвергался произвольно изъ бездны

въ бездну: онъ самъ себя осудилъ, онъ самъ себя лишилъ всѣхъ правъ къ престолу, подвергнулся по собственной своей волѣ осужденїю и посрамленїю. Онъ захотѣлъ быть подобенъ злодѣямъ, дабы достигнуть чрезъ то нѣкогда времяни повелѣвать и управлять ими, а по тому онъ и потерялъ все свое достоинство, всѣ свои права, кои ему слѣпый случай не праведнымъ образомъ доставилъ; по тому что его рожденїе было нѣкакое слѣпотствованїе и заблужденїе природы соединяющїя при другихъ обстоятельствахъ знаменитое порожденїе съ знаменитыми и добродѣтелями. Однако же да успокоится тѣнь, человѣколюбиваго, благаго Людовика! Небо правосудно; оно не укоснило наказать сего не примиримаго врага Королевскаго, чрезъ тѣхъ же равныхъ ему злодѣевъ, на коихъ онъ возлагалъ все свое упованїе, всю свою надежду: они сами предали его давно уже заслуженной имъ постыдной смертной казни.

Яко извергъ человѣчества ненавидѣлъ онъ добродѣтели, великаго своего родителя, не могши никогда слушать терпѣливо то, что не возможетъ никогда въ величїи и превосходныхъ качествахъ съ нимъ сравниться. Яко варварскїй супругъ терзалъ онъ не милосердо святую добродѣтель, истинно благородную душу невинныя своея супруги и безъ всякаго стыда и уг-

рызенія совѣсти изрыгалъ жалобы на несчастную оную Принцессу, которая никогда не имѣла никакой другой погрѣшности, кромѣ того только, что она много его почитала и любила нѣжно. Яко развращенный родитель, безчеловѣчный предатель дѣтей своихъ, жестокій мучитель своего потомства, принесъ онъ на жертву ненависти своей все свое благоденствіе, всѣ приобрѣтенныя рожденіемъ права. Не взирая, что самъ былъ Принцъ крови, онъ содѣлался не примиримымъ врагомъ престола и всей Королевской фамиліи. Не смотря, что самъ былъ первостепенный дворянинъ Французскаго народа. Опровергнулъ онъ все дворянство своего отечества; будучи самъ гражданинъ, возмутилъ все государство, продалъ свое отечество, своего Короля, своихъ сродственниковъ, своихъ благодѣтелей. На приобрѣтенное таковыми законопреступленіями и обагренное кровію злато покупалъ онъ согласіе и голоса на учрежденіе новыхъ, и на новую перемѣну учрежденныхъ уже буйственныхъ законоположеній. Наконецъ яко ложному и клятвопреступному Принцу, подданному, отцу, супругу и предательному другу, не доставало ему только того, дабы собственны-

ми своими руками предать смерти Короля своего, сродственника и благодѣтеля.

Страшное слово *Смерти* было сказано. Народное собранїе при всемъ своемъ буйствѣ онымъ словомъ раздражается; судїи, хотя и были подкуплены отъ Герцога Орлеанскаго цѣною крови Королевской, содрагаются, и только одни личные происки и стремленїе къ удержанїю присвоенной неправедно верьховной власти могли внимать равнодушно ужасному оному слову. Изостренное смертоносное оружїе готово было противу всякаго такого, кого только уповали при семъ случаѣ найти справедливымъ, не согласнымъ съ таковымъ законопреступнымъ опредѣленїемъ, и возражающимъ противу сего неправеднаго суда. Наивеличайшею опасностїю угрожаемъ былъ всякъ, изъ членовъ онаго буйственнаго собранїя, кто бы только не подалъ своего голоса на приговоръ смертный. Хотѣли имена таковыхъ возвѣстить по всѣмъ областямъ Французскимъ, съ тѣмъ намѣренїемъ, дабы ежели таковые избѣжатъ смерти въ Парижѣ, не возмогли бы избѣжать ея скрываяся и скитаясь по странамъ собственнаго своего отечества. Часть города Парижа имянуемая *Гравильеръ*, даже столь далеко простерла свое буйство, что требовала предать

суду, розыскамъ, и наижесточайшимъ мученїямъ, даже всякаго такого члена народнаго совѣта, которой бы не подалъ своего голоса на смертной приговоръ въ разсужденїи невиннаго Людовика. Толико-то единая толпа разбойниковъ въ состоянїи была наводить смертельный ужасъ на цѣлые милїоны человѣковъ!

По истиннѣ очевидно явствуютъ законопреступныя злонамѣренїя нѣкоторой части членовъ народнаго совѣта, равно какъ и насилїе, каковому подвержена была большая часть членовъ онаго собранїя, ежели только вспомянуть, что даже самый президентъ въ буйствѣ своемъ вскричалъ: *Я нахожусь въ возмутительномъ состо-„янїи; я умерщвлю перваго такого члена „нашего совѣта, которой подастъ свой го-„лосъ на то, что бы судъ надъ Королемъ „перенести предъ судъ всецѣлаго Француз-„скаго народа„.* Такъ то поступаютъ съ новою свободою! Такъ то поступлено было съ судїями, кои долженствовали рѣшить жребїй могущественнаго и не виннаго Монарха. Наступило время собирать голоса. Нѣкоторые согласились на смертной приговоръ, по подлому раболѣпїю, другїе по злости и раболѣпїю, инные по злобѣ и мщенїю, а нѣкоторые только по слабо-

сти и опасности, дабы не подвергнуть собственную свою жизнь въ опасность.

Уже начали считать собранные голоса. Зломышленники хвалились тѣмъ, что отъ 748 голосовъ превышали они тятью голосами сторону не соглашавшуюся на казнь Королевскую. Президентъ изрекъ приговоръ, и наигнуснѣйшее изъ всѣхъ злодѣянiй было уже опредѣлено, яко судебнымъ порядкомъ. Законопреступные судiи! удержите еще свой приговоръ! не выводите невинную жертву на мѣсто казни! подождите, еще рано! вашъ счетъ не вѣренъ, и обманъ вашъ сопровождается наивеличайшимъ преступленiемъ --- изъ 748 членовъ, коихъ голоса были необходимо нужны, только 365 приговорили къ смерти, какъ-то ясно доказываютъ всѣ публичныя дневныя записки, и всѣ оставшiяся самыя достовѣрнѣйшiя извѣстiя. И такъ Людовикъ осужденъ не по большинству голосовъ, но по меньшему числу оныхъ; а надлежало для приданiя сему не слыханному преступленiю нѣкакой вѣроятности, имѣть по крайнѣй мѣрѣ 369 голосовъ. Не явно ли это подлость и раболѣпствованiе тѣмъ, кои подкупили? Не явное ли это вѣроломство клятвопреступное? Но надобно еще изъ сихъ 365 голосовъ, выключить тѣхъ, кои внимая гласу природы

никакого голоса не подали, и еще такихъ, кои, видимы будучи подлымъ мщенїемъ и корыстолюбїемъ продали свои голоса зломышленникамъ за цѣну злата ими полученнаго; тогда сколько голосовъ останется на сторонѣ вашей? Наибольшая часть членовъ приговорила Людовика къ дарованїю жизни, однако злодѣи искали, съ подлѣйшею ложью, уменьшивъ число ихъ, обмануть всѣхъ, и чрезъ то прикрыть нѣкоторымъ видомъ закона наигнуснѣйшее свое злодѣянїе. Многїе изъ членовъ на смерть Королевскую не согласившихся съ удивленїемъ видѣли и слышали имена свои на сторонѣ противной; хотя они и въ умѣ своемъ никогда не имѣли, чтобъ осудить на смерть Короля своего. Толико-то владѣла кровожаждущая страсть зломышленниками!

И такъ мнимое меншинство четырехъ только голосовъ совершило именемъ всего Французскаго народа наивеличайшее изъ всѣхъ извѣстныхъ злодѣянїе. Страхъ и ужасъ разсѣянные повсюду зломышленниками, были столь велики, что ни кто не осмѣлился и рта отворить противу онаго не справедливаго счета, противу онаго вѣроломнаго, безчеловѣчнаго и убїйственнаго злонамѣренїя. Всецѣлый народъ

являлся тогда равномѣрно ослѣпленнымъ и оглушеннымъ.

Единое токмо оставалось еще средство ко спасенію Людовика. Новыя законоположенія позволяли еще давать на три дни отсрочку смертнаго приговора, ежели осужденный того потребуетъ. По силѣ таковаго закона просима была для Короля сія милость отъ безчеловѣчныхъ злодѣевъ защитниками Людовика. Однако же народный совѣтъ презрѣлъ, по обыкновенію своему, собственной свой законъ, и повелѣлъ тѣмъ болѣе поспѣшать исполненіемъ своего беззаконнаго приговора. Неустрашимый *Малсгербъ* пребывшій Королю даже до послѣдняя своея минуты жизни вѣрнымъ и непоколебимымъ, принялъ на себя, что бы объявить Королю оной страшной приговоръ его смерти. По истиннѣ велика была скорбь для сердца Малсгербова при возвѣщеніи Людовику онаго ужаснаго извѣстія; но не сравненно было большее его удивленіе, узрѣвъ твердость и постоянство Людовиково при слушаніи оной убійственной вѣсти.

Людовикъ при семъ смертоносномъ извѣстіи оказалъ не обычайную и совершенно превышающую человѣчество великость духа и постоянство. Онъ взиралъ на смерть свою, какъ наконецъ всѣхъ своихъ

мученій: единымъ шокмо ужаснымъ для него видѣніемъ было возпоминаніе разлучиться на вѣки съ возлюбленною своею супругою, съ сестрою своею, и съ малолѣшными еще обоими дѣтьми своими, коихъ всѣхъ онъ любилъ съ отличною нѣжностію. Единое шокмо сіе возпоминаніе колебало его шведрость; единое шокмо сіе чувствованіе раздирало чувствительнѣйшее его сердце.

Кто возможетъ изобразить живо состояніе несчастнаго Людовика XVI? Кто возможетъ изъявить великость его страданій? Могущественный Монархъ, истинно благородный и добродѣтельнѣйшій изъ смертныхъ, который въ своей совѣсти не находилъ ни малѣйшихъ упрековъ, который единственно шокмо законопреступленіями и не справедливостію зломышленниковъ осужденъ былъ, во мрачной скукѣ посредѣ яснаго дня, посреди безмолвной тишины страшныя ночи, окруженъ будучи ужаснѣйшими темничными грозными предмѣтами, препровождаетъ послѣднѣе время своея всегда благоденствовавшія жизни. Онъ изчитаетъ всякой часъ, каждую минуту, кождое мгновеніе ока и поперемѣнно обвиняетъ невозвратное время, что оно иногда спѣшитъ своимъ бѣгомъ, иногда по его мнѣнію, медлитъ своимъ те-

ченїемъ. Онъ озираетъ, объемлетъ въ последнїй въ жизни своей разъ тѣхъ, которые сердцу его были всегда наидрагоцѣннѣйшими. Онъ видитъ гробъ предъ очами своими; но въ отдаленности отъ праха предковъ его, ископанной, въ которой онъ живъ долженствовалъ положенъ быть; зритъ сокрушающуюся и не утѣшно плачущую несчастную свою супругу, утомленную унынїемъ сестру свою, двухъ возлюбленныхъ дѣтей своихъ, кои рождены будучи для ношенїя порфиры и вѣнца, едвали были еще въ состоянїи понимать всю тяжесть бѣдствїй имъ приготовленныхъ: зритъ ихъ и прижимая наинѣжнѣйше къ родительской своей груди въ послѣднїй разъ обнимаетъ. Одинъ старается утѣшать всѣхъ ихъ и осушить лїющїяся наипечальнѣйшїя горести слезы. При малѣйшемъ шумѣ ихъ смущенїе, ихъ смертельной ужасъ увеличивались. Они ежеминутно страшились, дабы не пришли злодѣи изторгнуть Людовика изъ нѣжныхъ ихъ объятїй. Дверь отворяется изверги человѣчества входятъ: нѣжныя сердца принужденными себя находятъ разлучиться; однако же по увѣренїю сихъ извѣрговъ не навсегда: потому что имъ еще остается надежда увидѣться еще и на другой день. Но въ тотъ же самый день Король Людо-

викъ XVI, оставя все свое дражайшее Августѣйшее семейство на волю святѣйшаго провидѣнїя оставилъ коловратный свѣтъ сей, бывши осужденъ на смерть хоть собственными своими подданными, но закляьшимися уже и не примиримыми своими врагами, врагами всея Вселенныя.

21 Генваря, а по нашему Грекороссійскому Календарю 10 числа 1793 года былъ тотъ день, въ которой совершилось къ вѣчному посрамленїю всея Францїи, ко стыду всего человѣчества, одно изъ самыхъ наиужаснѣйшихъ злодѣянїй.

Наилучшїй изъ Государей, каковы токмо были въ теченїи тысячи трехъ сотъ лѣтъ во Францїи, умѣреннѣйшїй въ управленїи властїю, бережливѣйшїй въ разходахъ, благочестивѣйшїй, непорочнѣйшїй нравами, честнѣйшїй человѣкъ, нещастный Людовикъ уже не существуетъ болѣе на свѣтѣ.... Сей оскорбленный, обезчещенный злопоруганный Государь не возмогши получить на три дни отсрочки едва изпросилъ себѣ единое и послѣднее удовольствїе проститься съ возлюбленнымъ своимъ семействомъ, ибо и съ нимъ разлученъ былъ въ послѣднее время своего заключенїя. Онъ бесѣдовалъ съ домашними около двухъ часовъ со всею нѣжностїю чувствительнаго отца и добраго супруга, и съ твердымъ

упованіемъ истиннаго христіянина. Когда приставы взяли у него перочинной ножикъ его, то онъ съ огорченіемъ сказалъ имъ: --- „Не ужели вы почитаете меня столь подлымъ, что я самъ на себя подниму руки? Видно что вы еще меня не знаете „совершенно.„ Въ восемъ часовъ по утру главный начальникъ съ приставами пришедъ въ темницу къ Королю объявилъ ему, что онъ имѣетъ повелѣніе свести его немедленно на мѣсто казни; Король выпросилъ у него три минуты, чтобъ поговорить съ духовникомъ своимъ; потомъ вручилъ пакетъ одному приставу, прося его отдать оной въ верховной народной судъ; (то была его духовная, которая при семъ приложена для любопытства читателей). Тогда онъ сказалъ главному начальнику, что теперь онъ готовъ.

Выходя изъ заключенія своего просилъ онъ старшинъ народныхъ не оставить тѣхъ людей, кои служили ему со всею ревностію и усердіемъ. Первый дворъ прошелъ онъ пѣшкомъ; на другомъ посадили его въ закрытую траурную карету, въ кою съ нимъ сѣли духовникъ его, и два конные офицера, и кою сопровождалъ конвой до самаго мѣста казни. Въ продолженіе пути сего продолжавшагося около двухъ часовъ. Нещастный Монархъ чи-

шалъ молитвы на исходъ души. Въ десять часовъ съ не большимъ Людовика привезли на мѣсто казни, которое было сдѣлано между изваянїемъ Людовика XV, и такъ называемыми Елисейскими полями. Людовикъ взошелъ на оное съ удивительною твердостїю одинъ, а приставы и духовникъ остались внизу. Онъ былъ одѣтъ въ простую бѣлую фуфайку, грудь и шею имѣлъ непокровенну; а волосы назади были приподняты къ верьху. Онъ самъ спокойно снялъ верьхнее свое платье и смотря равнодушно на орудїе своея казни едва успѣлъ сказать громогласно: *Французы! я умираю не виненъ. Прощаю враговъ моихъ; дай Богъ что бы смерть моя полезна была моему народу....* Онъ хотѣлъ продолжать, но громкой бой барабановъ ему въ томъ воспрепятствовалъ, и слезы сострадания лились потоками у большей части зрителей. Тогда повели его къ Гилотинѣ, (орудїе выдуманное нарочно Французами для смертной казни.) Въ кою полагая главу свою сказалъ: *Боже тебѣ предаю духъ мой*, и въ мгновенїе ока отсѣчена была глава его. Въ сїе время Царствовала глубокая тишина. Но одинъ изъ палачей взявъ голову и показывая оную народу, кричалъ: *да здравствуетъ народъ и резспублика.* Многїе изъ зрите-

лей повторяли неистовыя слова сïи, но множайшïе тихо проливали сердечныя свои слезы: буйныя возклицанïя первыхъ сопровождаемы были другими изъявленïями злобы и звѣрства: они подымали шапки и шляпы свои на копьяхъ. И штыкахъ Иные обмакивали свои копья, а другïе платки въ кровь каплющую отъ невиннаго Людовика. Тѣло тотчасъ было унесено и брошено въ яму безъ всѣхъ обрядовъ погребенïя должнаго христïянину; и все сïе сдѣлано единственно для посрамленïя памяти и въ поруганïе убïеннаго мученика. Но вскорѣ Господь посмѣется и поругается симъ мучителямъ и ругателямъ и яко праведный судïя воздаетъ не сомнѣнно по дѣламъ ихъ и поначинанïямъ ихъ накажетъ ихъ. Кровь праведника не останется безъ отмщенïя.

Людовикъ XVI ожидалъ съ величайшимъ спокойствïемъ и упованïемъ истиннаго христïянина, конца нещастной и прискорбной своей жизни. Оставляя всѣ прочïе можно привести здѣсь одинъ примѣръ сему: г. Малсгербъ разговаривая однажды съ Королемъ, и желая узнать о его сердечныхъ расположенïяхъ, завелъ рѣчь о неизвѣстности судьбы его, представляя ему, что онъ находится не совсѣмъ въ безопасности. — „Разумѣю отвѣтствовалъ

„Людовикъ XVI съ живостію, я уже давно „рѣшился пожертвовать своего жизнію и „потому безъ всякой боязьни смотрю на „приближающійся конецъ оныя, я безъ „смущенія взойду на мѣсто казни; и въ „самомъ безчестіи моемъ умру спокойно: „ибо совѣсть моя чиста и не порочна „предъ Богомъ моимъ. ---

„Но тебѣ всего удивительнѣе покажется то, что моя супруга и сестра „думають такъ же какъ и я.„ „сказавъ „сіе онъ нѣсколько призадумался. --- Да, г. „Малсгербъ, продолжалъ онъ улыбаясь, „помнится мнѣ, я слыхахъ въ ребячествѣ „моемъ, будто всякой разъ передъ смертію Короля изъ дому Бурбонскаго, въ „самую полночь являлась на галлереяхъ „большая женщина и въ бѣломъ одѣяніи: „не случилось ли и тебѣ когда нибудь „ее видѣть, посѣщая меня толь часто въ „моемъ заточеніи? . . . Ты плачешь. . . . „Ахъ, другъ мой; я хотѣлъ было пошутить, дабы показать что я не боюсь „пустыхъ разказовъ; однако теперь очень „объ томъ сожалѣю; по тому что шутка „моя очень тебя тронула.„

Вотъ то собственноручное послѣднѣе завѣщаніе блаженныя памяти Людовика

XVI, которое онъ отдалъ предъ смертію своею одному приставу, какъ выше о семъ упомянуто.

„*Воимя Пресвятыя Троицы, Отца и „Сына и Святаго Духа.* —

„Сего дня, 21 Декабря 1792 года, я „Людовикъ XVI именемъ, Король Франціи, „заключенный болѣе уже четырехъ мѣся„цовъ въ башнѣ *Тамиль* моими подданны„ми, и лишенный всякаго сообщенія съ 11 „числа сего мѣсяца съ моею супругою; а „болѣе всего завязанный въ такое дѣло, „которому конца не видно по причинѣ „пристрастій человѣческихъ, и въ кото„ромъ судить меня ни покакимъ законамъ „не можно; я имѣя единаго Бога свидѣ„телемъ моихъ дѣлъ и помышленій, ко„тораго призывая въ помощь мою, объя„вляю симъ предъ лицемъ его и всего на„рода послѣднія мои желанія и чувство„ванія. Я предаю душу мою Богу, мое„му создателю; прошу его принять ее „въ свое милосердіе, не судить ее по за„слугамъ ея, но по заслугамъ Господа на„шего Іисуса Христа, принесшаго себя въ „жертву Богу Отцу своему за насъ грѣ„шныхъ и не достойныхъ, отъ нихъ же „первый есмъ азъ. Я умираю въ единой „вѣрѣ съ матерію нашею церковію Каѳо„лическою Апостольскою и Римскою, имѣю-

„щею власть вязать и рѣшить не посредст-
„венно отъ Святаго Петра, которому далъ
„ее Іисусъ Христосъ. Я вѣрю не сомнѣнно
„всему, что содержатъ въ себѣ заповѣди
„Божіи и уставы церковные, исповѣдую
„таинства и тайны, такъ какъ поучаетъ
„церковь и всегда поучала; я никогда не
„помышлялъ быть судіею въ разныхъ
„толкованіяхъ догматовъ, раздѣляющихъ
„церковь Іисуса Христа, но былъ и все-
„гда пребуду преданъ, естьли Богу уго-
„дно продлить жизнь мою, мнѣнію гла-
„внѣйшихъ законоучителей, и столповъ
„Святой Каѳолической церкви, согласному
„съ ученіемъ Іисуса Христа. Я сердечно
„сожалѣю о собратіяхъ моихъ, кои мо-
„жетъ быть заблуждаютъ, но не хочу
„быть судіею ихъ, и сего ради не мень-
„ше всѣхъ ихъ люблю о имени Іисуса Хри-
„ста, соблюдая долгъ любви христіян-
„ской; прошу Бога, да проститъ всѣ мои
„согрѣшенія, я испытывалъ оныя со тща-
„ніемъ, гнушаюсь ими и смиряюсь предъ
„лицемъ Создателя моего. Для исполне-
„нія Христіянскаго долгу не имѣя при се-
„бѣ Каѳолическаго священника молилъ Бо-
„га да пріиметъ мое исповѣданіе о томъ,
„что я подписалъ (хотя то было и про-
„тивъ воли моей) такія дѣла кои могутъ
„быть противны ученію и вѣрованію въ

„Каѳолическую церковь, съ коею я отъ „юности моея пребылъ соединенъ всѣмъ „моимъ сердцемъ; молю Владыку моего, „да не отринетъ твердаго моего намѣре„нія, если буду живъ, какъ возможно ско„рѣе по закону христіянскому принести „покаяніе въ моихъ согрѣшеніяхъ; прошу „всѣхъ, кого я оскорбилъ по не осторож„ности и по не вѣдѣнію моему; (ибо не „помню, что бы я кого нибудь обидѣлъ „съ намѣреніемъ или умысломъ) прошу „всѣхъ, кому я могъ подать худые при„мѣры или соблазны, проститъ мнѣ то „зло которое, думаютъ они, я причи„нилъ имъ.

„Прошу всѣхъ православныхъ христі„янъ присоединить къ моимъ свои мо„ленія, да отпуститъ мнѣ Богъ грѣхи „мои. Я отъ всего сердца моего прощаю „враговъ моихъ, хотя и не подалъ имъ „къ тому никакой причины, и молю Бога, „что бы и онъ такъ же простилъ ихъ, „равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кои подъ пред„логомъ усердія своего, мнѣ много зла „содѣлали.

„Я препоручаю Богу мою супругу, „моихъ дѣтей, мою сестру, моихъ те„токъ, моихъ братьевъ и всѣхъ тѣхъ, „кои привержены ко мнѣ по узамъ род„ства, или и по другимъ какимъ причи-

,,намъ. Болѣе всего молю Бога, да обратитъ онъ милосердые свои очи на мою ,,супругу, на моихъ дѣтей, и на сестру ,,мою, кои съ давняго времяни претерпѣ- ,,ваютъ со мною страданїе; да не оставитъ ихъ своею благостїю, естьли они ,,меня лишатся, до колѣ продлится жизнь ,,ихъ въ семъ коловратномъ и не постоянномъ свѣтѣ. Дѣтей моихъ препоручаю ,,моей супругѣ: я никогда не могъ сомнѣваться въ матерней ея къ нимъ любви и ,,горячности. Особливо препоручаю ей сдѣлать ихъ добрыми христїянами, и честными гражданами, что бы они взирали на величїя сего свѣта, (естьли осуждены къ понесенїю оныхъ) неиначе, ,,какъ на блага гиблющїя и опасныя, и ,,что бы устремляли очи свои къ единой ,,не сомнѣнной и вѣчной славѣ. Прошу ,,сестру мою, продлитъ любовь свою къ ,,моимъ дѣтямъ, и заступитъ мѣсто ихъ ,,матери, если они по нещастїю своему ,,ея лишатся.

,,Я прошу супругу мою, проститъ ,,мнѣ всѣ тѣ бѣдствїя, кои она ради меня претерпѣваетъ, и оскорбленїя, какїя ,,могъ я ей причинить въ продолженїи нашего супружества; она должна быть не ,,сомнѣнна, что я противу ее ничего сказать не имѣю, въ чемъ бы ей укорять ,,себя было можно.

„Дѣтямъ моимъ препоручаю, испол-
„няя всѣ должности христіанскія, быть
„между собою согласными, покорными и
„послушными своей матери, и благодар-
„ными за всѣ ея объ нихъ попеченія. Прошу
„ихъ почитать сестру мою второю своею
„матерію. Препоручаю моему сыну, естьли
„онъ по нещастію сдѣлается Королемъ, не
„выпускать изъ мыслей своихъ, что онъ
„долженъ всего себя повсятить, щастію
„своихъ сограждан, что ему надлежитъ
„забыть всю ненависть и оскорбленія, и
„имянно все касающееся до моего неща-
„стія и страданія, что онъ не можетъ
„иначе учинить подданныхъ своихъ ща-
„стливыми, какъ царствуя по законамъ,
„но притомъ должно памятовать ему и то,
„что Король не можетъ ихъ заставить почи-
„тать, и дѣлать все желаемое добро, какъ
„имѣя къ тому власть потребную, и что
„въ противномъ случаѣ, то есть, будучи
„не воленъ въ своихъ дѣлахъ, и не имѣя
„приличнаго уваженія, онъ болѣе есть
„вреденъ, нежели полезенъ. Я препору-
„чаю сыну моему имѣть попеченіе о тѣхъ
„людахъ, кои были мнѣ преданы, сколь-
„ко ему обстоятельства его позволятъ,
„и вмѣнять сіе за священный себѣ долгъ,
„которымъ я обязанъ дѣтямъ или срод-
„никамъ тѣхъ, кои изъ любви ко мнѣ са-

„ми погибли, или сдѣлались нещастливы. „Знаю я, что многіе изъ прежде преданныхъ мнѣ поступали со мною въ нещастіи моемъ не такъ, какъ бы надлежало, „и даже были не благодарны, но я имъ „все прощаю (въ смутныя и угрожающія „минуты человѣкъ часто самъ надъ собою „бываетъ не властенъ) и прошу сына „моего, естьли онъ будетъ имѣть случай, ни очемъ болѣе не помышлять, какъ „только о ихъ нещастіяхъ.

„Желалъ бы я здѣсь изъявить мою „благодарность тѣмъ, кои доказали мнѣ „истинную любовь свою, и усердную приверженность. Естьли я съ одной стороны былъ чувствительно тронутъ неблагодарностію и вѣроломствомъ такихъ „людей, коимъ всегда показывалъ мои милости, имъ самимъ или ихъ сродникамъ „и друзьямъ; то съ другой имѣлъ удовольствіе видѣть особливое усердіе и „рѣдкую приверженность, кою многіе мнѣ „доказали не сомнѣнно. Я ихъ прошу принять всѣ мои благодарныя за сіе чувствованія; въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, я боюсь обидѣть ихъ, „естьли упомяну любезныя мнѣ имѣна „ихъ. Но предоставляю сыну моему искать случая узнать оныя.

„Въ прочемъ обидѣлъ бы я чувство-
„ванія народа, естьли бы не препоручилъ
„торжественно сыну моему Господъ *Ша-
„милли* и *Рю*, кои, по истинной ко мнѣ
„любви своей, добровольно заключились со
„мною въ семъ печальномъ моемъ жилищѣ,
„и были яко жертвы, подобно мнѣ, не-
„щастныя. Я такъ же препоручаю ему
„*Клери*, коего усердіемъ ко мнѣ, я имѣлъ
„право хвалиться во все время его со мною
„пребыванія, и какъ онъ оставался при
„мнѣ до самаго конца, то и прошу народ-
„ное собраніе отдать ему мое платье,
„книги, часы, кошелекъ съ дѣньгами и дру-
„гія маловажныя вещи, отобранныя у ме-
„ня и хранимыя въ совѣтѣ народномъ.

„Я такъ же всѣмъ сердцемъ прощаю
„тѣхъ, кои во время заключенія моего дѣ-
„лали мнѣ разныя обиды, и язвительныя
„оскорбленія, почитая, какъ кажется, без-
„человѣчіе сіе своею должностію. Но я
„обрѣлъ нѣкоторыя души чувствительныя
„и сострадательныя; сіи да насладятся
„спокойствіемъ, ради непорочнаго и бла-
„гаго образа ихъ мыслей. Я прошу господъ
„*Малсгерба*, *Троншета* и *Десеза* принять
„здѣсь послѣднѣе мое благодареніе, и изъ-
„явленіе моея чувствительности за всѣ
„труды и безпокойства, кои они для ме-
„ня принимали. Я оканчиваю, объявляя

„предъ Богомъ, готовъ будучи предстать „предъ нелицепріятный судъ его, что не „могу укорять себя, ни въ одномъ изъ „тѣхъ преступленій какія мнѣ вмѣняются.

Людовикъ.

Въ башнѣ Тамиль
25 Декабря 1792.

Извлеченіе изъ письма писаннаго изъ Брисселя къ издателю вѣдомостей, называемыхъ Courier du bas Rhin.

Имѣя честь препроводить къ вамъ г. мой, не большое сочиненіе, распространившееся по всему Парижу коль скоро стало извѣстно, что нещастнаго Короля ко смерти приговорили. Оно писано съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы ослабить, естьли можно, Цареубійственное умышленіе; и возбудить въ злодѣяніяхъ чувствія человѣчества. Предмѣтъ онаго есть истинна въ нѣмъ царствующая и сожалѣніе, котораго не могутъ не имѣть всѣ сердца чувствительныя и благомыслящія.

ЛЮДОВИКЪ XVI ФРАНЦУЗАМЪ. (*)

I.

Ахъ! народъ мой, что я тебѣ сдѣлалъ?
Я любилъ добродѣтель и справедливость;

(*) Подлинникъ писанъ стихами.

Благосостоянїе твое было единственнымъ
моимъ предмѣтомъ
Но ты за сїе казнь мнѣ приготовляешь?...

II.

Французы! Французы! не между вами ли
Людовикъ воспрїялъ бытїе свое?
Отечество мое есть мѣсто вашего рожденїя;
Я былъ младенецъ въ вашемъ младенчествѣ.

III.

Ахъ, народъ мой, заслужилъ ли я
Толико мученїй и толико страданїй?
Я вамъ даровалъ свободу,
А вы обремяняете меня узами.

IV.

Въ юные еще дни мои всѣ Французы имѣли
Во мнѣ своего защитника и покровителя.
Не былъ еще я Королемъ вашимъ,
Но уже былъ отцемъ вамъ.

V.

Когда Я взошелъ на сей блистательный
престолъ,
Принадлежащїй мнѣ по праву моего рожденїя;
То первое мое попеченїе было то,
Что бы доставить вамъ возможное щастїе.

VI.

Добрый Генхрихъ достойно вами любимый
и почитаемый

Былъ такъ же человѣкъ, и имѣлъ свои слабости
Но Людовикъ XVI ревностный другъ благонравія
Не имѣлъ въ жизни своей ни любимицъ, ни любимцовъ.

VII.

Скажите, скажите мнѣ тѣхъ,
Коихъ смертный приговоръ подписала рука моя:
Въ одинъ день болѣе погибло Французовъ,
Нежели въ двавцать лѣтъ моего царствованія.

VIII

Естьли смерть моя можетъ быть вамъ полезна,
Отнимите дни мои; я вамъ ихъ дарую;
Вашъ добрый Государь оплакивая ваше заблужденіе
Умираетъ не повиненъ и васъ прощаетъ.

IX.

Ахъ! дѣти мои, примите послѣднее мое прощаніе,
Будьте благополучны и я умру спокойно;
Да возможетъ кровь моя ліющаясь предъ глазами вашими
Утолитъ ненависть въ сердцахъ вашихъ кипящую.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

